Библиотека
26.8
P 15 1179
Краеведческ

Радлов В.
Средняя Зерафшанская долина
1868 г.

Радлов В
Средняя зерафшанская долина
1868 г.

26.8
Р-15
ГОМ 8218
203
Радлов В.
Николай Степановичъ
ГУЛЯЕВЪ
91
№ 13
2767
1125
-452-
Горно-Алтайский
Областной краеведческий музей
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 1216

СРЕДНЯЯ ЗЕРАФШАНСКАЯ ДОЛИНА.

Въ 1868 году русскіе проникли въ сердце Турана до средняго Зерафшана. Имѣвъ случай посѣтить въ этомъ году вмѣстѣ съ нашими войсками самую южную часть русскихъ владѣній въ Средней Азіи, я считаю своею обязанностію описать именно Зерафшанскую долину, которая, какъ центръ владѣній Тимура, издавна считается сердцемъ Средней Азіи и до-сихъ-поръ изъ всѣхъ ея частей оставалась наименѣе доступною для путешественниковъ. Но я долженъ предупредить читателя, что сообщаемыя мною свѣдѣнія составлены частію по собственнымъ наблюденіямъ, частію по разсказамъ туземцевъ: военное положеніе не дозволяло мнѣ хоть и на нѣсколько верстъ удаляться отъ арміи или ея отрядовъ. Пріятнымъ долгомъ поставляю себѣ изъявить здѣсь мою искреннюю благодарность главнокомандующему войсками Туркестанскаго округа Генералъ-Адъютанту фонъ-Кауфману за его покровительство и содѣйствіе, которыми я пользовался во время моего пребыванія въ Средней Азіи. Многимъ я также обязанъ г. подполковнику Шауфусу, коммиссару при опредѣленіи границы между Россіей и Бухарой.

Ойротский ... Музей
2767
1125
24/III 1937

Горы и рѣки.

Рѣка Зерафшанъ (какъ мнѣ сообщили) вытекаетъ изъ озера Искендеръ-куля на юго-западной части Тхянь-шаня (Кашгаръ-даванъ); главное направленіе имѣетъ она къ за-

паду. До города Пенджикента рѣка эта протекаетъ по довольно узкой долинѣ, огражденной весьма высокими горами, и лишь немного восточнѣе г. Пенджикента долина эта начинаетъ расширяться. Южныя горы—хребетъ Алтаба—здѣсь нѣсколько уходитъ на югъ и спускается террассами къ рѣкѣ, а сѣверный хребетъ, Чункаръ-тагъ, уже находится въ пятиверстномъ разстояніи отъ русла Зерафшана. Какіе притоки принимаетъ Зерафшанъ въ верхнемъ своемъ теченіи, мнѣ неизвѣстно, но у Пенджикента рѣка Зерафшанъ уже снабжена полнымъ запасомъ воды, который ей даетъ возможность орошать всю долину до Бухары, такъ какъ притоки ея, которые она получаетъ на западѣ отъ Пенджикента, весьма незначительны и всѣ, безъ исключенія, истощаются полями. Горы, которыя тянутся непрерывною цѣпью къ югу отъ Зерафшана, извѣстны подъ общимъ именемъ Шяхрисебскихъ горъ, потому что на нихъ находится независимое отъ Бухары Шяхрисебское бекство. Онѣ состоятъ изъ двухъ паралельныхъ хребтовъ, изъ которыхъ сѣверный называется въ восточной своей части Алтаба-тагъ, а въ западной — Каманъ-Баранъ-тагъ, или Самаркандскіе горы. Южный хребетъ, у южной подошвы котораго лежитъ городъ Шяхрисебсъ, называется Султанъ-азретъ-тагомъ. Эти горы довольно значительной высоты и во многихъ мѣстахъ возвышаются надъ линіею вѣчнаго снѣга. Къ западу онѣ однако несравненно площе, хотя все-таки образуютъ значительныя возвышенности. Особенно высокихъ горъ я съ Зерафшанской долины не могъ тамъ замѣтить.

Къ юго западу отъ города Катты-кургана начинается новый хребетъ, который, рѣзко отдѣляясь отъ восточныхъ возвышенностей, почти подъ острымъ угломъ вступаетъ въ Зерафшанскую долину, не доходя до самой рѣки въ разстояніи 6 верстъ. На юго-западъ отъ этого хребта, носящаго названіе Тимъ-тагъ, простирается, какъ говорятъ, до

самой Бухары обширная степь, Орта-чёль. Всѣ вышеупомянутыя горы спускаются террассами къ рѣкѣ Зерафшану, такъ что внѣшняя дорога между Самаркандомъ и Катты-Курганомъ идетъ по возвышеннымъ окраинамъ этихъ горъ.

Изъ горъ лежащихъ къ сѣверу отъ Зерафшана, хребетъ Чункаръ-тагъ тянется параллельно съ рѣкою, къ сѣверу отъ Пенджикента. Около 15 верстъ на западъ отъ послѣдняго Чункаръ-тагъ поворачиваетъ къ сѣверу и соединяется съ южными вѣтвями хребта Зандзаръ-тага, простирающагося на западъ до города Джизака. Съ горами образующими Зандзаръ-тагъ, сходятся на западѣ горы хребта Нуратанынгъ-тага, отдѣляющія и охраняющія долину Зерафшанскую отъ сѣверныхъ песковъ. Далѣе къ югу отъ хребта Зандзаръ-тага простирается цѣпь довольно значительныхъ высотъ, состоящая изъ волнообразныхъ возвышеній, которыя, занимая въ ширину отъ 10 до 15 верстъ, тянутся на западъ до южной части Нуратанынгъ-тага. Эти-то возвышенія и образуютъ водораздѣлъ рѣчныхъ системъ Сыръ-дарьи и Аму-дарьи. Небольшая рѣка Иланъ-эти, выходящая изъ горъ Зандзаръ-тага, направляясь къ сѣверу, доходитъ до самаго Джизака, и, орошая какъ этотъ городъ, такъ и укрѣпленіе Янгы-курганъ, отдѣляетъ своею узкою долиной горы Зандзаръ-тага отъ сѣверной части горъ образующихъ Нуратанынгъ-тагъ.

Горы Нуратанынгъ-тага простираются въ главномъ своемъ направленіи съ востока на западъ, отъ рѣки Иланъ-эти, до города Нурата, отъ котораго и получили свое названіе, всего на протяженіи около 150 верстъ. Главный, сѣверный хребетъ, извѣстный подъ названіемъ Кара-тага, довольно крутъ и изрѣзанъ зубцами. На югъ отъ восточной части Кара-тага тянется еще почти совершенно отдѣльный хребетъ Ходумъ-тагъ; къ западу отъ этой очень незначительной горной цѣпи лежитъ хребетъ Караша-тагъ, а отъ этого послѣдняго, также на западъ, простирается, почти

параллельно съ хребтомъ Кара-тагомъ, хребетъ Акъ-тагъ. Хребты Ходумъ-тагъ и Караша-тагъ очень незначительны и тянутся легкими волнами; напротивъ того, крутой и зубчатый Акъ-тагъ лишь нѣсколько уступаетъ въ высотѣ Кара-тагу. Хребты Акъ-тагъ и Кара-тагъ, постепенно понижающіеся на западъ отъ деревни Акъ-чапа, приближаются другъ къ другу и сходятся подъ острымъ угломъ подлѣ города Нураты. Въ горахъ къ сѣверу отъ рѣки Зерафшана я нигдѣ не замѣчалъ бѣльцовъ. Пространство между обоими хребтами Нуратанынгъ-тага, большею частію въ 15 — 20 верстъ, не образуетъ плоскости, но пересѣчено многими рядами болѣе или менѣе значительныхъ возвышеній, имѣющихъ главное направленіе съ сѣвера на югъ.

Всѣ выше упомянутыя горы на сѣверъ и на югъ отъ Зерафшана голы, и только въ наиболѣе возвышенныхъ мѣстахъ скалисты; лѣсовъ или даже отдѣльныхъ деревьевъ я нигдѣ не замѣчалъ, за исключеніемъ искуственныхъ плантацій на берегахъ рѣкъ. Горы эти представляютъ видъ однообразныхъ сѣрыхъ громадъ, безъ всякой живописной группировки.

Всѣ рѣки на сѣверномъ склонѣ водораздѣла текутъ къ сѣверу. Это большею частію весьма незначительныя рѣчки. Самая восточная изъ нихъ — выше упомянутая Иланъ-эти, пробирающаяся по очень узкой долинѣ между Зандзаръ-тагомъ и Кара-тагомъ; потомъ, болѣе на западъ, маленькія рѣчки сѣвернаго склона Кара-тага: Кара-Кія, Ашанъ-дара, Устаханъ, Нурекъ, Асманъ-сай, Ажамачъ, Янгы-кышлакъ-су, Кульма, Деристанъ, Ушма, Тутаръ-сай, Сафаръ-ата, Сарымсаклы, Фарышъ, Ухумъ, Андахышъ, Муржерумъ, Самтанъ, Сай, Катты-сай, Эйчь, Темиръ-коулу, Укунъ. Всѣ эти рѣки очень не велики и едва доходятъ до подошвы горъ. Прежде, когда горы еще частію были покрыты лѣсами, рѣки эти были, вѣроятно, гораздо значительнѣе; теперь вся вода

ихъ употребляется на пашни. Онѣ, безъ сомнѣнія, нѣкогда соединялись съ р. Илан-эти и составляли тогда, по всей вѣроятности, значительный притокъ Сыръ-дарьи, теперь-же и въ полноводіе онѣ всѣ оканчиваются порознь въ степи.

Рѣчки выходящія изъ южнаго склона Кара-тага — притоки Зерафшана. Сначала — четыре довольно большія рѣки, вытекающія изъ Нуратынскихъ горъ; онѣ впадаютъ съ правой стороны въ средній Зерафшанъ; три изъ нихъ — изъ Кара-тага. Первая, Кара-абдаль, беретъ начало въ ущельѣ Сары-бель, и протекаетъ между Хадумъ-тагомъ и Караша-тагомъ; вторая, Тюрсюнъ, выходитъ южнѣе источниковъ рѣки Ухума, и протекаетъ посреди горъ Караша-тага; третья, Пшатъ, вытекаетъ на южномъ склонѣ Кара-тага близь деревни Пенкента, и отдѣляетъ своею долиной Караша-тагъ отъ Акъ-тага. Теперь вода притоковъ этихъ рѣкъ расходится, еще въ горахъ, на пашни, и главныя рѣки, текущія по широкимъ своимъ руслам очень незначительными ручейками, оканчиваются, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ подошвы горъ; только при очень высокой водѣ онѣ доходятъ до самаго Зерафшана. Четвертый притокъ Зерафшана отъ сѣвера — рѣчка Джисманъ. Она беретъ свое начало къ сѣверу отъ города Катырчи въ Акъ-тагѣ, въ проходѣ Тикенликъ; лѣтомъ она не доходитъ до Зерафшана, хотя широкое русло ея у деревни Тасмачи заставляетъ предполагать, что она иногда его достигаетъ.

Рѣка Тюрсюнъ образуется изъ рѣчекъ Карабай, Накрутъ и Сарай; прежніе ея притоки, Такъ-мазаръ, Казгалмаръ, Орта-булакъ, Кереше и т. д., даже во время полноводія, не доходятъ до нея.

Рѣка Пшатъ съ запада принимаетъ рѣчку Кошъ-ратъ; другія рѣки, которыя я видѣлъ западнѣе ея, Акчай, Карачіякъ, Джушъ-Багаджатъ, всѣ истощаются въ садахъ.

На югъ отъ Акъ-тага, между рѣками Пшатъ и Джисманъ, есть еще три маленькихъ рѣчки: Зербентъ, Андакъ и Бюргень; соединялись-ли онѣ прежде, или доходили когда-то отдѣльно до Зерафшана, объ этомъ я не могъ ничего узнать.

Главнѣйшія изъ рѣчекъ, которыя принимаетъ Зерафшанъ съ юга, слѣдующія: Чарвакъ (къ востоку отъ города Пенджикента), Чурча (близь Пенджикента, образующаяся изъ трехъ маленькихъ рѣчекъ), Кумъ-арыкъ (у деревни Даулъ), Кара-су, Инамъ-якши (близь города Катты-кургана).

О первоначальной величинѣ всѣхъ этихъ притоковъ теперь невозможно составить себѣ точнаго понятія. На всякомъ сколько нибудь годномъ для устройства пашенъ или садовъ мѣстѣ занимаютъ у нихъ необходимое для орошенія количество воды, такъ-что онѣ не только не получаютъ притоковъ опредѣленныхъ имъ отъ природы, но и собственный ихъ запасъ воды безпрестанно уменьшается.

Что касается до названій всѣхъ вышеупомянутыхъ рѣкъ, я долженъ здѣсь замѣтить, что онѣ именно доказываютъ, что здѣшній человѣкъ чувствуетъ въ какой зависимости онъ отъ воды, и что она составляетъ главное условіе для его обиталищъ. Рѣка или ручеекъ носитъ у всякаго селенія названіе самаго селенія или селеніе названіе рѣчки, вслѣдствіе чего рѣка въ разныхъ мѣстахъ носитъ различныя названія. Такъ напр. называется Кара-абдаль въ своемъ верхнемъ теченіи Кара-абдаль-булакъ, потомъ Яръ-булакъ, потомъ Чарчыкъ-булакъ, наконецъ Джума-базаръ-булакъ, всегда по названіямъ селеній находящихся на ея берегахъ. Напротивъ того селенія Катты-сай (большой оврагъ), Тасъ-кечю (весенній бродъ), Саукъ-булакъ (холодный ключь), Орта-булакъ (средній источникъ) получили непремѣнно свои названія отъ протекающихъ по нимъ ручьевъ.

Искуственное орошеніе.

Голыя, безлѣсныя возвышенности и долины къ югу и къ сѣверу отъ Зерафшана, за исключеніемъ скалъ на вершинахъ горъ, покрыты однообразною жирною глинистою почвой, которая, при сильныхъ жарахъ, и по сухости продолжительнаго лѣта, нуждается въ значительномъ количествѣ воды, для того чтобы производить болѣе значительную растительность. Поэтому почва эта покрывается лишь скудною травой, если ее человѣкъ не орошаетъ искуственнымъ образомъ. Но и эта скудная трава исчезаетъ уже въ началѣ лѣта, и только въ горахъ, и именно въ глубокихъ логовищахъ, гдѣ лучи солнца менѣе дѣйствительны и почва гораздо продолжительнѣе сохраняетъ свою влажность, трава остается до второй половины лѣта. Эта особенность почвы придаетъ всему ландшафту пустынный и мертвый видъ, который однако тотчасъ исчезаетъ, коль скоро человѣкъ искуственнымъ путемъ доставляетъ почвѣ необходимое ей количество воды. Тогда эта почва дѣлается самою плодоносною, тогда покрывается она густою травой, тогда являются здѣсь превосходныя поля и великолѣпные сады, похожіе на райскіе оазисы въ пустынѣ.

При такихъ условіяхъ, состояніе жителей и ихъ обиталищъ непремѣнно должно находиться въ близкомъ отношеніи къ количеству воды, которымъ располагаютъ для орошенія почвы, и густота населенія точнѣйшимъ образомъ ограничена. Можно, безъ увеличенія, сказать, что Зерафшанская долина и ея окрестности населены настолько густо насколько это дозволяетъ вода, такъ какъ вода всѣхъ рѣкъ расходуется до послѣдней капли, и нельзя здѣсь прибавить ни малѣйшаго селенія, не причиняя вреда прежнимъ жителямъ. Если, какъ кажется, народонаселеніе здѣсь когда-то было значительнѣе нынѣшняго, то это могло быть только въ томъ случаѣ, если и запасъ воды здѣсь былъ обильнѣе нынѣшняго; и въ самомъ

дѣлѣ мы имѣемъ основаніе думать, что здѣсь мало по малу убываетъ вода; причину такого явленія слѣдуетъ вѣроятно искать въ совершенномъ истощеніи лѣсовъ въ горахъ.

Только опытность, пріобрѣтенная въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, дала возможность устроить такую искуственную систему орошенія, какую мы видимъ здѣсь; и ей удалось рѣшить трудную задачу: самымъ меньшимъ количествомъ воды орошать наибольшее пространство.

У маленькихъ притоковъ Зерафшана, имѣющихъ болѣе или менѣе значительное паденіе, задачу эту рѣшать не трудно, потому что малое количество воды дозволяетъ орошать лишь весьма небольшую часть мѣстъ удобныхъ для разведенія пашенъ или садовъ. Главное затрудненіе представляетъ широкая Зерафшанская долина, гдѣ приходилось пропорціально распредѣлить воду на равнинѣ отъ 150 до 200 верстъ въ длину и отъ 20 до 25 верстъ въ ширину, которая, кромѣ того, имѣетъ очень незначительную наклонность. Здѣсь надо было искуственнымъ образомъ дать полямъ различный уровень, и устроить сѣть пересѣкающихся въ различныхъ изгибахъ каналовъ, которые то разносятъ воду по маленькимъ ходамъ, то опять ее собираютъ для дальнѣйшаго употребленія. Настоящее чудо — эта искуственная система орошенія, которая едва-ли могла быть лучше выполнена нашими учеными инженерами; и наше удивленіе еще увеличивается при мысли что простые земледѣльцы, безъ всякихъ научныхъ способовъ, которыми мы располагаемъ въ такомъ обиліи, предприняли и совершили это громадное дѣло.

Дать точную картину группировки этихъ каналовъ я не въ состояніи; я ограничусь бѣглымъ очеркомъ главнѣйшихъ ея частей.

Сначала обратимся къ орошенію изъ притоковъ Зерафшана. Изъ маленькихъ рѣчекъ, какъ понятно, не возможно орошать большія поля; поэтому ихъ водой запасаются только сады въ селеніяхъ расположенныхъ по обоимъ ихъ

берегамъ. Чтобы уменьшить испареніе воды проведены только коротенькія канавы, перерѣзывающія длинно-узкія полосы плантацій. Селенія здѣсь состоятъ изъ рядовъ отдѣленныхъ другъ отъ друга группъ дворовъ. Такъ, напр. деревня Джисманъ болѣе 10 верстъ длиной; еще бо̀льшее пространство занимаетъ деревня Кошраватъ, лежащая между Акъ-тагомъ и Кара-тагомъ. Распредѣленіе воды здѣсь не представляетъ затрудненія. Какъ примѣръ приведу рѣчку Джисманъ. На берегахъ ея лежатъ три деревни: 1) по верхнему ея теченію деревня Джисманъ; 2) по среднему теченію Орта-булакъ (имѣющій нѣсколько собственныхъ ключей); 3) по нижнему теченію деревня Нау-андакъ. Джисманъ имѣетъ здѣсь воду въ своемъ распоряженіи (т. е. для разлитія на пашняхъ) въ-теченіе одной недѣли только три дня; Орта-булакъ и Науандакъ пользуются этимъ правомъ только по два дня. Въ тѣ дни когда селеніямъ запрещено распускать воду на поля, ходы канавъ въ нихъ должны быть замкнуты. Люди здѣсь такъ свыклись съ понятіемъ о правахъ на распоряженіе водой, что, какъ меня увѣряли, никогда не бываетъ распрей по этому поводу.

У Багаджата, мѣстечка между Кара-тагомъ и Акъ-тагомъ видѣлъ я даже искуственный ручеекъ. Тамъ выкопали на склонѣ горы рядомъ около 8 колодцевъ и соединили ихъ между собой въ глубинѣ, подъ землей. Такимъ образомъ изъ послѣдняго изъ этихъ колодцевъ потекла искуственнымъ путемъ выведенная струя воды, которая и орошаетъ по крайней мѣрѣ до 15 садовъ.

Рѣка Зерафшанъ течетъ въ своемъ собственномъ руслѣ до города Самарканда или, лучше сказать, до горы Чапанъаты близь Самарканда. Городъ Пенджикентъ и его окрестности получаютъ необходимое для орошенія количество воды изъ маленькихъ горныхъ рѣчекъ, выходящихъ изъ Алтабинскихъ горъ, какъ и всѣ остальныя селенія, лежащія при подошвѣ этихъ горъ (напр. Кырказы, Мумынаватъ,

Ургутъ, Кара-тэпэ и т. д.). Около 15 верстъ къ западу отъ Пенджикента выведенъ изъ лѣваго берега Зерафшана большой каналъ, который долженъ орошать всѣ селенія между Алтабинскими горами и самимъ Зерафшаномъ. Этотъ каналъ раздѣляется на три канавы, изъ которыхъ значительнѣйшая, средняя, Ангаръ-арыкъ, протекая черезъ большую деревню Джума-базаръ, орошаетъ длинный рядъ селеній, и при водополи доводитъ свою воду гораздо западнѣе Самарканда до рѣчки Кумъ-арыкъ. Восточная изъ этихъ трехъ канавъ доставляетъ воду очень населенной группѣ деревень около мѣстечка Мингъ, а западная орошаетъ мѣстечко Пейшемби съ его окрестностями. Въ одной или въ двухъ верстахъ къ западу отъ этого южнаго канала отдѣляется отъ рѣки Зерафшана довольно значительное количество воды черезъ большой каналъ, выведенный изъ праваго его берега для орошенія широкой долины у подошвы Чункаръ-тага. Здѣсь, между Чункаръ-тагомъ и главной дорогой изъ Джизака въ Самаркандъ, находится большое число кышлаковъ (деревень). Къ сѣверу отъ главнаго канала отдѣляется значительный каналъ Тайланъ, орошающій большую базарную деревню Акъ-тэпэ; далѣе на западъ отъ Тайлана главный каналъ раздѣляется на нѣсколько маленькихъ канавъ, орошающихъ группу очень густо населенныхъ кышлаковъ, называемыхъ общимъ именемъ урочища Бешъ-арыкъ (пять арыковъ). Около восьми верстъ къ сѣверу отъ вышеупомянутаго канала Тайланъ, сѣвернѣе деревни Акъ-тэпэ, течетъ въ довольно глубокомъ оврагѣ значительная вода по направленію къ западу. На дорогѣ изъ Джизака въ Самаркандъ переѣзжаютъ черезъ эту воду по такъ называемому Хишь-кэпрю (кирпичный мостъ). Я не могъ узнать, искуственный-ли это каналъ, выведенный изъ Зерафшана, или самостоятельная рѣка, вытекающая изъ Чункаръ-Тага. По всѣмъ даннымъ, вода эта кажется искуственнымъ каналомъ, потому что глубокій оврагъ образовался видимо въ послѣд-

нее время. Я убѣжденъ въ этомъ, потому что, во-первыхъ, на обѣихъ сторонахъ его не далеко отъ самаго мѣста еще теперь видны остатки селеній, оставленныхъ не болѣе какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, между тѣмъ какъ по нынѣшнему уровню воды орошеніе здѣшнихъ мѣстъ этимъ каналомъ было бы дѣломъ невозможнымъ, а вблизи нигдѣ нѣтъ другой воды. Во-вторыхъ, потому что я нашелъ на сѣверъ отъ Хишь-кепрю множество обсохшихъ слѣдовъ бывшихъ канавъ, которыя нынѣ оставлены безъ употребленія, такъ какъ главный каналъ течетъ теперь гораздо глубже чѣмъ прежде. И въ самомъ дѣлѣ пониженіе уровня искуственныхъ каналовъ здѣсь очень часто случается, ибо вода легко вымываетъ мягкую глинистую почву. Все что я могъ узнать объ этой водѣ слѣдующее. Въ верхнемъ теченіи называютъ ее Тюэ-тартаръ, въ среднемъ, т. е. около моста — Туякалы, и въ нижнемъ — Булынгыръ. Подъ этимъ именемъ доходитъ она до самаго г. Чилека. Въ нѣсколькихъ верстахъ къ югу отъ города Чилека встрѣтилъ я селеніе Булынгыръ, которое вѣроятно лежитъ на берегу этого же канала. Къ юго-западу отъ вышеупомянутаго урочища Бешъ-арыкъ выходитъ изъ Зерафшана каналъ Янгы-арыкъ (новый каналъ), на берегахъ котораго лежитъ деревня Янбай, селеніе на сѣверъ отъ Зерфшана, по дорогѣ изъ Джизака въ Самаркандъ. Далѣе къ востоку отъ Янгы-арыка выходятъ изъ праваго берега Зерафшана еще три арыка: 1) Мырза-арыкъ, изъ котораго далѣе на западъ выходитъ канава Ишъ-макса; 2) Тонгусъ-арыкъ; 3) Хошъ-кала. Эти три арыка орошаютъ всю долину между Зерафшаномъ и городомъ Чилекъ, и ведутъ свои воды къ западу до селенія Митанъ.

На сѣверъ отъ города Самарканда, у сѣверной подошвы горы Чапанъ-аты, Зерафшанъ раздѣляется искуственной плотиной на два рукава, изъ которыхъ сѣверный называется Акъ-дарья (бѣлая рѣка), а южный Кара-дарья (черная

рѣка). Акъ-дарья, первоначальное русло рѣки Зерафшана, гораздо значительнѣе Кара-дарьи. Но это искуственное раздѣленіе рѣки, должно быть, устроено уже очень давно. Русло искуственной Кара-дарьи очень глубоко и все покрыто галькой. Задача Акъ-дарьи въ-отношеніи къ орошенію Зерафшанской долины состоитъ въ томъ, чтобы доставлять достаточное количество воды въ западную часть этой долины т. е. въ пространство между городами Катырчи и Бухарой. Въ средней части Зерафшанской долины выходятъ изъ нея лишь нѣсколько самыхъ незначительныхъ канавъ, служащихъ для орошенія весьма немногихъ селеній на правомъ берегу между Митаномъ и городомъ Катырчи. Напротивъ того задача Кара-дарьи состоитъ въ томъ что-бы орошать всю среднюю долину Зерафшана до города Катырчи, и, кромѣ того, Зіяддинское бекство къ юго-западу отъ Катырчи. Плотина, раздѣляющая оба рукава Зерафшана, находится, какъ я уже сказалъ, у самой подошвы горы Чапанъаты. Два раза въ каждомъ году, весной и осенью, приходится ее поправлять. На сколько значительны эти работы, доказывается тѣмъ, что для поправки плотины, состоящей изъ насыпи галекъ, ежегодно два раза необходимо 5,000 рабочихъ, изъ которыхъ 2,000 поставляются Катты-курганскимъ и Пейшембійскимъ бекствами, а 3,000 человѣкъ Зіяддинскимъ. Это неровное распредѣленіе рабочихъ происходитъ отъ того, что въ случаѣ недостатка воды въ рѣкѣ Кара-дарьѣ болѣе всего терпитъ западное Зіяддинское бекство: поэтому для этого края важнѣе всего чтобы раздѣлъ рѣкъ находился въ хорошемъ состояніи.

Чтобы доставлять необходимое количество воды поровну всему пространству между Акъ-дарьей и Кара-дарьей, кромѣ множества маленькихъ канавъ, служатъ въ-особенности четыре канала, которые проведены изъ праваго берега Кара-дарьи, преимущественно по направленію къ сѣверо-западу: 1) Аферинкентъ, отдѣляющійся отъ р. Кара-дарьи въ 15—20

верстахъ западнѣе Самарканда и близь селенія Найманча. Онъ главнымъ образомъ служитъ для орошенія городка Янгы-кургана (Кыпчакъ-Янгы-курганъ, какъ онъ называется на картахъ для различія отъ укрѣпленія Янгы-кургана на берегахъ Иланъ-эти) и его окрестности; 2) Ходжа-арыкъ, выходящій изъ Кара-дарьи около двадцати верстъ западнѣе Аферинкента, орошаетъ кышлаки Тербизъ-табакъ, Иштахаи и т. д.; 3) Мингъ-Арыкъ беретъ свое начало изъ Кара-дарьи у деревни Аманъ-коджа и орошаетъ всѣ селенія окружающія базарное мѣсто Джума-базаръ; 4) Кылычъ-ватъ, орошающій всѣ селенія къ сѣверу отъ города Катты-кургана и особенно городъ Пейшемби и всѣ его окрестности.

Эти четыре канала и всѣ маленькія канавы между ними разводятъ только половину всей массы воды изъ Кара-дарьи, которая, лежа гораздо выше Акъ-дарьи, нигдѣ не получаетъ обратно выведенной изъ нея воды и отъ того видимо уменьшается.

Чтобы орошать южную часть средней долины, т. е. городъ Катты-курганъ и его окрестности, и, кромѣ того, все Зіяддинское бекство, изъ лѣваго берега Кара-дарьи выведенъ огромный каналъ подъ названіемъ Нурпай. Каналъ Нурпай имѣетъ въ ширину по крайней мѣрѣ отъ 8 до 10 саженъ, и, кромѣ того, значительную глубину, что замѣтно уже потому, что во всякомъ селеніи черезъ него построенъ деревянный мостъ, а это, при чрезвычайной дороговизнѣ лѣса здѣсь, дѣлается только при крайней необходимости. Я видѣлъ Нурпай при сильномъ мелководіи, такъ что можно было черезъ него бродить пѣшкомъ, но причиной мелководія было то, что, при военномъ положеніи края весной нынѣшняго года, плотина у горы Чапанъ-аты не была поправлена, и Кара-дарья не получала и половины необходимаго для нея запаса воды. Нынѣ Нурпай беретъ свое начало у деревни Алджанъ, но разсказываютъ, что онъ прежде выходилъ изъ

Кара-дарьи близь деревни Чимбая. Недалеко отъ Каттыкургана Нурпай получаетъ притокъ воды отъ маленькой рѣчки, вытекающей изъ южныхъ горъ. Имѣвъ случай видѣть только восточную часть Нурпая, я не въ состояніи дать ближайшихъ указаній на счетъ выведенныхъ изъ него канавъ. Между деревнями Арабъ-ханэ и Кожа-курганъ, гдѣ я останавливался нѣсколько дней, называли мнѣ четыре канавы выходящія изъ него: къ сѣверу — канавы Ябысхоръ и Бешандакъ, къ югу — Казакъ-арыкъ и Дамъ-арыкъ.

Окончивъ краткій обзоръ искусственнаго орошенія средней Зерафшанской долины, я хочу еще въ немногихъ словахъ коснуться вопроса, который во время прошлаго лѣта возбуждалъ много толковъ, именно о томъ, можно-ли запрудуть Акъ-дарью, и тѣмъ отнять воду у Бухары. По моему мнѣнію, подобная мысль могла придти только людямъ совершенно незнакомымъ съ географическимъ положеніемъ Зерафшана. Зерафшанская долина бо́льшею частію ограждена съ обѣихъ сторонъ значительными горами, такъ что главная масса воды во всякомъ случаѣ должна искать себѣ проходъ къ западу. Какія рабочія силы, кромѣ того, понадобились бы для запруженія всей Акъ-дарьи, если уже однѣ поправки плотины, раздѣляющей русла Акъ-дарьи и Кара-дарьи, занимаютъ до 5000 рабочихъ въ-теченіе нѣсколькихъ недѣль? Не легче-ли завоевать Бухару? Допустимъ что все-таки можно запрудить Акъ-дарью, но тогда Кара-дарья и Нурпай на столько наполнились бы водой, что затопили бы навѣрное наши собственныя владѣнія, а въ концѣ концовъ вода все-таки прорвалась бы къ болѣе низкому уровню Акъ-дарьи, къ которому уже теперь ведетъ множество маленькихъ канавъ, которыя, при сильномъ давленіи воды и при мягкой глинистой почвѣ, въ короткое время преобразовались бы въ огромныя русла. Во всякомъ случаѣ имѣется возможность свободнымъ употребленіемъ воды въ средней долинѣ возбу-

дить временныя неправильности орошенія въ нижней долинѣ. Но есть другой вопросъ, къ которому насъ побуждаетъ осмотръ этой искусственной сѣти орошенія, вопросъ, который гораздо важнѣе перваго: возможно ли надѣяться, что нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Зерафшанской долинѣ какъ нибудь упрочитъ наши дѣла въ Средней Азіи? Зерафшанская долина въ-отношеніи къ орошенію составляетъ нераздѣлимую единицу, которую, при здѣшнихъ обстоятельствахъ, и во вниманіи къ другимъ отношеніямъ, или надо занять цѣликомъ или оставить нетронутой. Занявъ часть ее, мы пріобрѣтаемъ населеніе, связанное самыми крѣпкими узами съ остальной ея частію, и въ незанятой нами части оставляемъ гнѣздо, въ которомъ свободно можно затѣвать замыслы противъ насъ, и безъ всякаго контроля съ нашей стороны противники наши имѣютъ возможность безпрерывно возбуждать жителей нашихъ предѣловъ, а въ этомъ отношеніи мусульманское духовенство будетъ всегда имѣть успѣхъ у правовѣрныхъ жителей.

Селенія (кышлаки, базарныя мѣстечки и города).

Вся Зерафшанская долина, на сколько она, какъ мы выше показали, покрыта густой сѣтью канавъ, представляетъ сплошную массу селеній. Когда мы ѣдемъ по возвышенностямъ, ограничивающимъ самую долину, мы видимъ въ глубинѣ темную полосу лѣса, рѣзко отдѣляющуюся отъ ярко освѣщенной степи. Это—покрытая селеніями Зерафшанская долина; здѣсь примыкаетъ пашня къ пашнѣ, садъ къ саду, безъ малѣйшаго промежутка; всякій клочекъ земли обработанъ. Спустившись съ голыхъ террасъ къ самой долинѣ, намъ кажется какъ будто-бы мы перенеслись изъ пустыни въ райскіе сады. Все насъ окружающее измѣнилось. Великолѣпные луга, засѣянные клеверомъ, плѣнятъ глазъ свѣжестью своей зелени. Среди ихъ видны расположенныя правильными четыреугольниками роскошныя поля, на которыхъ разводятся табакъ, кукуруза,

арбузы и дыни. Извиваясь между ними бѣгутъ, тихо журча, безчисленные ручейки, вдоль которыхъ большею частію тянутся длинные ряды тѣнистыхъ деревьевъ. Посреди этихъ полей группируются густые сады, окруженные низкими глиняными стѣнами, изъ-за которыхъ поднимаются вѣтвистыя деревья. Огромные пирамидальные тополи съ серебристыми зубчатыми листьями вытягиваютъ свои тонкіе стволы. Между ними темнѣются могучіе кайрагачи со своими густыми шарообразными вершинами, отъ которыхъ опять рѣзко отдѣляется свѣтлая зелень тута и сочная зелень фруктовыхъ деревъ, тонкія вѣтви которыхъ чуть выносятъ тяжесть безчисленнаго множества яблоковъ, персиковъ, урюковъ и т. д. Тамъ мы видимъ желтыя рисовыя поля, здѣсь сѣрыя плантаціи хлопка. Глазъ не можетъ наглядѣться на всѣ эти встрѣчающіяся ему прелести. Не снится ли намъ? Мы только что были въ пустынѣ, гдѣ насъ, беззащитныхъ, солнце палило своими жгучими лучами; окружала насъ сѣрая однообразная степь; люди и животныя изнемогали среди этой мертвой природы. Теперь мы покоимся въ тѣни величественныхъ деревъ, окруженные разнообразно сгруппированнымъ ландшафтомъ. Вокругъ насъ дѣятельная жизнь; вездѣ мы видимъ рабочихъ на поляхъ, и длинные ряды проѣзжающихъ по многочисленнымъ дорогамъ. Хотя жаръ все еще довольно значителенъ, но въ сравненіи съ раскаленнымъ степнымъ воздухомъ онъ намъ кажется прохладою. И всѣмъ этимъ великолѣпіемъ обязанъ человѣкъ водѣ; серебристыми жилками пробѣгая по голой степи, она превращаетъ ее въ рай.

Такимъ образомъ Зерафшанская долина представляетъ безпрерывный садъ, и трудно для новоприѣзжаго различать здѣсь отдѣльныя селенія. Деревень какъ у насъ нигдѣ здѣсь нѣтъ, потому что канавы, эти жизненныя жилы селеній, дозволяютъ здѣсь только маленькія группы домовъ и садовъ. Нѣсколько такихъ неправильно разбросанныхъ группъ домовъ, орошаемыхъ однимъ главнымъ каналомъ, образуютъ к ы ш-

лакъ. Слово «кышлакъ» собственно означаетъ «зимовье», какъ и теперь еще зимовье у киргизовъ называется «кыстау». Причина почему деревни здѣсь называются кышлаками, вѣроятно та что тюркскіе жители во время своего прихода сюда были еще кочующими племенами, и только на зиму останавливались въ низменныхъ мѣстахъ.

Такъ-какъ канавы пересѣкаются различными изгибами, то часто случается, что дворы одного кышлака заходятъ въ предѣлы другаго. Но несмотря на эту разбросанность отдѣльныхъ дворовъ, канава образуетъ между ними самую узкую связь, связь гораздо болѣе тѣсную нежели внѣшнее соединеніе нашихъ деревень. Общія работы при поправкѣ канала, и общій интересъ правильнаго распредѣленія воды, принуждаютъ отдѣльныхъ хозяевъ дѣйствовать за-одно и тѣсно соединяться между собою. При проведеніи границы между Бухарой и русскими владѣніями я имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ. Границу пересѣкающую Зерафшанскую долину никакъ нельзя было иначе провести какъ различными изгибами и излучинами, ибо не представлялось возможности отнимать хоть одинъ домъ отъ кышлака, къ которому онъ прежде принадлежалъ, не причиняя тѣмъ значительнаго ущерба жителямъ.

Между этими сплошными рядами кышлаковъ образовалось въ-теченіе времени большое число центральныхъ пунктовъ, которые болѣе походятъ на наши деревни — это базарные кышлаки. Они бо́льшей частью довольно значительнаго объема. Въ срединѣ ихъ, вокругъ собственной базарной площади, дворы группируются уже гораздо гуще. Въ нихъ уже поселились ремесленники, дома́ которыхъ не окружены огромными садами, между тѣмъ какъ въ простыхъ кышлакахъ живутъ одни земледѣльцы и садовники. Купцовъ можно встрѣтить лишь изрѣдка. Базары бо́льшею частію ничто иное какъ огромныя пустыя площади среди деревень, на которыхъ находится нѣсколько глиняныхъ крытыхъ балагановъ имѣющихъ форму ящика, у котораго лишь недостаетъ передней стѣны.

№ 1179-43г.
-458-
-1216-

Балаганы эти, какъ и весь базаръ, въ обыкновенные дни совершенно пусты, и площади эти—единственныя необработанныя пространства между густыми рядами селеній. Но лишь наступитъ базарный день, видъ ихъ измѣняется. Глиняныя избушки наполняются торговцами разставляющими вокругъ ихъ свои товары, и вся площадь покрывается густыми толпами народа. Собираются старые и молодые со всего базарнаго округа. За то кышлаки въ эти дни пустѣютъ, ибо кто только имѣетъ возможность — отправляется на базаръ. Даже люди, которымъ нечего покупать или продавать, не пропускаютъ базарныхъ дней и спокойно прогуливаются среди покупателей. Описать такую базарную сцену очень трудно. Тысячи мужчинъ, дѣтей, женщинъ толкаются въ густыхъ толпахъ; сѣрая пустая базарная площадь украшается самыми пестрыми цвѣтами. Бѣлыя, синія, красныя, зеленыя чалмы мужчинъ, ярко пестрые ихъ халаты, темная накидная одежда женщинъ, лошади съ блестящей сбруей и чапраками, мулы, ослы и высокія арбы составляютъ ея разнообразную декорацію.

Торговля на этихъ базарахъ удовлетворяетъ единственно нуждамъ земледѣльцевъ, которые здѣсь продаютъ плоды своихъ трудовъ и дѣлаютъ необходимыя для себя покупки. Купцы изъ городовъ лишь изрѣдка посѣщаютъ эти базары, и бо́льшею частію во время сбора шелка, хлопка и винограда. Привозимые сюда изъ городовъ товары: желѣзные инструменты, глиняные сосуды и матеріи. Изъ мѣстныхъ произведеній болѣе всего продаются земледѣльческія орудія, а̀рбы, колеса и, кромѣ того, съѣстные припасы: хлѣбъ, фрукты и овощи.

Самые бо́льшіе изъ базарныхъ кышлаковъ, которые я видѣлъ здѣсь—Акъ-Тэпэ (между Хышь-кэпрю и Самаркандомъ) и Дагбитъ (на Акъ-дарьѣ, къ сѣверу отъ Самарканда). Они имѣли скорѣе видъ маленькихъ городовъ; въ нихъ уже есть улицы и открытыя ежедневно лавки ремеслен-

никовъ и торговцевъ, и кромѣ того нѣсколько каравансараевъ съ большими дворами и галереями, гдѣ пріѣзжающіе находятъ для себя пищу и кормъ для своихъ лошадей. Къ моему удивленію я тамъ увидѣлъ русскіе самовары.

Изъ тѣхъ частей Зерафшанской долины, по которымъ я самъ проѣзжалъ, я могу назвать слѣдующіе базарные кышлаки, съ обозначеніемъ ихъ базарныхъ дней:

1. Мингъ-базаръ (на Кара-дарьѣ) — по понедѣльникамъ.

2. Пейшемби (городъ на Акъ-дарьѣ) — по средамъ и четвергамъ.

3. Джума-базаръ—по пятницамъ.

4. Зира-булакъ (къ югу отъ Нурпая) —по пятницамъ.

5. Иорганъ (къ сѣверу отъ Джума-базара) — по воскресеньямъ.

6. Митанъ (къ сѣверу отъ Акъ-дарьи) —по понедѣльникамъ.

7. Иштиханъ —по четвергамъ.

8. Чимбай — по воскресеньямъ.

9. Катты-курганъ — по средамъ и субботамъ.

Кромѣ этихъ, есть еще много базаровъ, дней которыхъ я не въ состояніи сообщить. Главные между ними слѣдующіе: 1) Янгы-курганъ. 2) Дагбитъ. 3) Даулъ (къ югу отъ Кара-дарьи). 4) Пейшемби (четвергъ—къ югу-востоку отъ Самарканда. 5) Джума-базаръ (пятница по дорогѣ въ Ургутъ). 6) городъ Чилекъ. 7) Джума-базаръ (между Ходумъ-тагомъ и Караша-тагомъ).

О базарныхъ кышлакахъ на Нуратанынъ-тагѣ я сообщу позже.

Главными центрами для нѣсколькихъ базарныхъ округовъ служатъ города. Они также имѣютъ видъ огромныхъ кышлаковъ и состоятъ изъ собственнаго города съ крѣпостью и большой полосы садовъ разстилающейся вокругъ нихъ. Здѣсь опишу ихъ видъ вообще, потому что они всѣ, безъ исклю-

ченія, во всей средней Азіи имѣютъ совершенно одинаковое расположеніе, и только бо̀льшимъ или меньшимъ размѣромъ отличаются другъ отъ друга.

Центръ собственнаго города есть крѣпость (а р к ъ); она находится обыкновенно на искуственномъ возвышеніи и окружена рвомъ и довольно высокою зубчатою глиняною стѣной. Внутреннее пространство крѣпости занято строеніями и улицами, въ которыхъ кромѣ бека и бо̀льшей части его солдатъ живетъ еще много другихъ жителе́й. Вокругъ крѣпости, обыкновенно съ трехъ ея сторонъ, расположенъ собственный городъ, окруженный также, хотя и менѣе значительною, стѣной, въ которой находятся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ворота (дервазэ). Улицы города узкія и извилистыя, и образуются бо̀льшею частію только изъ низкихъ глиняныхъ стѣнъ, потому что дома̀, безъ исключенія, находятся на дворахъ. Изрѣдка глиняныя стѣны украшены самыми грубыми арабесками. Садовъ почти нигдѣ нѣтъ, даже одиночное дерево рѣдко встрѣтишь. Улицы которыя бы образовались домами, я видалъ только въ большихъ городахъ, около базарнаго мѣста, гдѣ высокая цѣна на землю не дозволяетъ имѣть большіе дворы; но и они обращены къ улицѣ глухими стѣнами: двери и окна внутри дворовъ. Единственныя строенія, нарушающія это однообразіе—мечети (храмы) и медресе (высшія школы). Первыя изъ нихъ состоятъ бо̀льшею частію изъ высокой открытой галлереи на высокихъ деревянныхъ столбахъ, потолокъ которой выкрашенъ самыми яркими цвѣтами. Возлѣ этой открытой галереи есть закрытая мечеть для праздничныхъ молитвъ (джума̀-нама̀зъ) и для службы во время зимнихъ мѣсяцевъ. Немного шире остальныхъ улицъ улицы базарныя, которыя бываютъ частію открытыми, но также и крытыми. Лавки и мастерскія ремесленниковъ открыты на улицу, и здѣсь въ средѣ торговцевъ и ремесленниковъ кипитъ дѣятельная шумная жизнь. Для базарныхъ дней, кромѣ обыкновеннаго базара, имѣется еще большая базарная площадь. Медресе

находятся бо̀льшею частію блѝзъ базаровъ; они единственныя строенія изъ жженныхъ кирпичей. Построены онѣ всѣ четыреугольниками, и внутри своихъ строеній имѣютъ дворъ. Кельи муллъ выходятъ на этотъ дворъ, и всякая изъ нихъ имѣетъ отдѣльную дверь. Лицевая къ улицѣ сторона построена бо̀льшею частію очень акуратно и красиво, и въ срединѣ ея ворота со сводами.

Отдѣльные дворы окруженные глиняною стѣной состоятъ, какъ и въ деревняхъ, изъ нѣсколькихъ маленькихъ дворовъ съ незначительными избушками. На болѣе обширныхъ дворахъ бываютъ четыреугольные басейны, по сторонамъ которыхъ иногда стоятъ деревья. Канавы такъ устроены, что пересѣкаютъ каждый дворъ. Въ этихъ канавахъ моются люди и чистятъ свою посуду, и никто не обращаетъ вниманія на то, что сосѣдъ пользуется тою-же водой для питья; понятно, что въ городахъ вода для европейца должна быть отвратительна.

Города кажутся обыкновенно пустыми, такъ-какъ жители въ-теченіе дня остаются въ домахъ, и только рѣдко замѣтно по улицамъ движеніе. Въ базарные-же дни города̀ за то очень оживлены.

Этотъ собственный городъ окруженъ, какъ я уже замѣтилъ, широкою полосой садовъ занимающею пространство чуть не въ десять разъ бо̀льшее нежели самый городъ. Между садами улицы гораздо шире и просторнѣе. Домовъ здѣсь нигдѣ не видно, а однѣ глиняныя стѣны, которыми окружены сады. Но эти выше и лучше устроены чѣмъ внутри города. Свѣжая зелень густыхъ деревъ высоко поднимающихся надъ стѣнами придаетъ большую прелесть прогулкамъ въ этихъ мѣстахъ, гдѣ глазъ съ удовольствіемъ отдыхаетъ на разнообразныхъ цвѣтахъ, и легкіе, послѣ удушливаго зноя въ городскихъ улицахъ, съ наслажденіемъ вдыхаютъ здѣсь освѣженный густою зеленью воздухъ.

Таковъ вообще видъ всѣхъ городовъ. Постараюсь теперь

представить болѣе подробныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ, руководствуясь при этомъ преимущественно собственными наблюденіями.

1) Пенджикентъ. Маленькій городъ съ довольно значительною крѣпостью. Пенджикентъ расположенъ на лѣвомъ берегу Зерафшана. Сады этого города получаютъ свою воду отъ горной рѣчки Алтабинскихъ горъ. Окрестности Пенджикента очень гористы и, какъ мнѣ говорили, положеніе города очень красивое. Въ Пенджикентѣ жилъ прежде бекъ, который во многихъ отношеніяхъ держался независимымъ отъ Бухарскаго Эмира, и въ случаѣ усобицъ очень часто приставалъ къ самостоятельному Шахрисебскому беку. Что касается до населенія Пенджикента и его окрестностей, то всѣ жители Зерафшанской долины хвалятъ ихъ какъ хорошихъ стрѣлковъ и храбрыхъ воиновъ. Всѣ думали, что они будутъ продолжать борьбу съ Русскими, и соединятся съ Шахрисебскимъ бекомъ; но этого не сбылось: жители Пенджикента предпочли соединиться съ Русскими безъ всякаго сопротивленія.

2) Самаркандъ. Городъ Самаркандъ, столица Тамерлана, Мекка Средней Азіи, лежитъ на лѣвомъ берегу Зерафшана, въ 5 верстахъ отъ самой рѣки. Необходимое ему количество воды Самаркандъ частью получаетъ отъ маленькой рѣчки изъ южныхъ горъ. Кто себѣ составилъ идеальную картину объ этомъ городѣ по высокопарнымъ именамъ, которыми персидскіе поэты величаютъ Самаркандъ, тотъ конечно увидитъ себя обманутымъ при въѣздѣ въ него. Самаркандъ ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ городовъ Средней Азіи. Та же самая густая полоса садовъ окружаетъ его, тѣ же самыя глиняныя избушки и полуразрушившіяся глиняныя стѣны составляютъ узкія, извилистыя улицы; здѣсь на болѣе отдаленныхъ отъ шумнаго базара улицахъ царствуетъ та же мертвая тишина какъ и въ другихъ городахъ. Единственное отличіе Самарканда отъ послѣднихъ, это его памятники зод-

чества, сохранившіеся изъ лучшаго прошедшаго въ полуразрушенномъ видѣ; они, со своими развалинами и кучами муссора, гордо и съ упрекомъ смотрятъ на окружающую ихъ толпу торгашей несъумѣвшихъ эти освященныя по своимъ воспоминаніямъ мѣста сохранить въ болѣе приличномъ видѣ. Городъ Самаркандъ я посѣтилъ въ самое неудобное для путешественника время, и поэтому я могъ себѣ составить о немъ понятіе лишь по сравненію его съ другими городами Средней Азіи. Когда я въѣзжалъ въ Самаркандъ, базаръ представлялъ бо́льшею частію кучу пепла и муссора, надъ которой стояли высокіе столбы дыма; улицы отъ разрушенныхъ домовъ были на пол-аршина покрыты толстымъ слоемъ глиняной пыли; при каждомъ шагѣ, который дѣлала лошадь, подымалось облако пыли, наполнявшей намъ глаза, ротъ и носъ, такъ что трудно было дышать или что-либо видѣть. Населеніе, въ особенности ученый классъ, послѣ своего вѣроломства, боясь мести Русскихъ, разбѣжалось, и даже уцѣлѣвшая часть базара была въ базарные дни почти совершенно пуста. Понятно что при такихъ обстоятельствахъ я могъ собрать весьма мало свѣдѣній, и долженъ былъ довольствоваться посѣщеніемъ древнихъ памятниковъ города и еврейскаго квартала.

Извѣстно, что единственные остатки стариннаго зодчества Самарканда—медресе, мечети и могильные памятники, потому что правовѣрный мусульманинъ Средней Азіи не могъ прославлять памятниками сей тлѣнный міръ. Хотя Вамбе́ри, Ханыковъ и Леманъ уже описали достопримѣчательности Самарканда, все-таки не считаю лишнимъ описать ихъ еще разъ.

Самые старые памятники — временъ Тамерлана. Болѣе интересный и лучше сохранившійся изъ нихъ—могила Тамерлана, такъ называемый Тюрбети-Тимуръ. Мавзолей Тимура устроенъ изъ жженыхъ кирпичей, покрытыхъ глазурованными изразцами, такъ что внѣшнія стѣны строенія

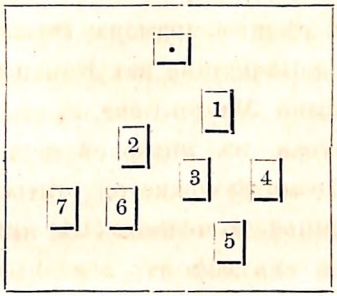
представляютъ украшенія, состоящія изъ арабесковъ и мозаичныхъ надписей. Мавзолей этотъ устроенъ въ видѣ осьмиугольника, съ куполомъ въ формѣ дыни, сплошь покрытымъ поливою. По обѣимъ сторонамъ строенія поднимаются двѣ высокія пустыя колонны изъ кирпича, покрытаго изразцами, со спиральными лѣсницами внутри, но въ почти разрушенномъ состояніи. Украшенія на этихъ колоннахъ въ такомъ же родѣ какъ и на самомъ зданіи. Недалеко отъ главнаго корпуса—ворота, которыя похожи на самый мавзолей. На передней сторонѣ этихъ воротъ можно ясно прочесть слѣдующую надпись:

«Строилъ слабый рабъ Мухаммедъ сынъ Махмуда изъ Исфагани.»

Эта надпись доказываетъ (какъ совершенно вѣрно объясняетъ Вамбѐри), что памятники зодчества въ Самаркандѣ исполнялись персидскими художниками.

Отъ довольно большихъ воротъ ведетъ узкій, крытый сводами коридоръ внутрь мавзолея, къ лѣвой его сторонѣ. Строеніе, въ которомъ находится надгробный камень Тимура, состоитъ изъ главнаго купола и четырехъ нишъ. Стѣны внутри обложены великолѣпными плитами изъ яшмы, украшенными отлично вырѣзанными арабесками и надписями; точно также и потолки нишъ богато украшены. Полъ выложенъ каменными плитами и въ срединѣ его, подъ самымъ куполомъ, находится семь надгробныхъ камней, а на сторонѣ обращенной къ Меккѣ—столбикъ и при немъ большое знамя. Но въ какомъ небрежномъ состояніи находится это великолѣпное зданіе! Украшенія стѣнъ бо̀льшею частью отпали, по срединѣ пола, возлѣ надгробныхъ камней, куча извести. Болѣе поврежденныя части стѣнъ и пола очень худо починены, и то лишь въ послѣднее время, когда, послѣ взятія Самарканда, генералъ Кауфманъ подарилъ значительную сумму на ремонтъ этого мавзолея.

Надгробные камни расположены въ слѣдующемъ порядкѣ и окружены весьма плохими деревянными перилами:



1) Камень — длиною въ 3 аршина и шириной въ $^2/_3$ аршина — изъ сѣраго мрамора: поверхность этого камня теперь покрыта слоемъ извести. По разсказамъ моего проводника, похороненъ здѣсь Миръ-Сеидъ-Береке-Шейхъ, учитель самаго Тимура, умершій два года послѣ него.

2) Камень, длиной въ $1^1/_4$ аршина и шириной въ пол-аршина, изъ сѣраго мрамора съ надписями; этотъ надгробный камень Абдулъ-Латифъ-Мирзы, сына Улугъ-Бека, умершаго въ 854 (=1450) году.

3) Камень—изъ чернаго мрамора, разбитый на два куска, 3 аршина длиной и $^3/_4$ аршина шириной; вокругъ камня очень неясная надпись. Этотъ надгробный камень самаго Тимура, умершаго въ 807 (=1405) году.

4) Камень—изъ сѣраго мрамора съ надписями—длиной въ 3 аршина, шириной въ $^1/_2$ аршина. Этотъ надгробный камень Мирзы Улугъ-Бека, внука Тимура (какъ говорятъ въ Самаркандѣ, сына Тимура), умершаго въ 853 (=1449) году; бока и часть верхней поверхности этого камня покрыты известью.

5) Камень разбитъ; на мѣстѣ его находится призма изъ кирпичей, недавно покрытая известью; подъ этой призмой находится плита изъ бѣлаго мрамора. Этотъ надгробный камень Мирзы Ибрагима, сына Улугъ-Бека, умершаго въ 854 году.

6) Камень весь покрытъ известью; онъ считается надгробнымъ камнемъ Мирзы Беди', сына Мирзы Улугъ-Бека, умершаго въ 853 году.

7) Камень изъ сѣраго мрамора, хорошо сохранившійся и совсѣмъ покрытый изрѣченіями изъ Корана. Этотъ надгробный камень Наипа, сына Улугъ-Бека.

Вблизи отъ входа въ мавзолей есть отверстіе въ полу; черезъ него по лѣстницѣ можно спуститься въ комнату, находящуюся подъ верхней часовней. Эта нижняя комната очень низка и выстроена сводами изъ жженныхъ кирпичей, безъ штукатурки и всякаго украшенія. Голые кирпичи здѣсь удивительно хорошо сохранились. На полу, именно на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ въ верхнемъ покоѣ находятся семь надгробныхъ камней, лежатъ столько же тонкихъ мраморныхъ плитъ съ надписями. Подъ ними похоронены выше упомянутыя лица.

Въ срединѣ города близь базара построены три медресе, которыя своими великолѣпными фасадами образуютъ квадратъ, площадь Самаркандскаго ригистана. Это единственное мѣсто въ Самаркандѣ гдѣ замѣтно стараніе симетрическимъ расположеніемъ строеній произвести на зрителя пріятное впечатлѣніе. Если бы строенія эти были въ хорошемъ состояніи и площадь между ними содержалась сколько нибудь въ чистотѣ, то она представляла бы рѣдкое для города средней Азіи украшеніе. Но жители Самарканда нисколько не поняли мысли строителей и наполнили эту площадь кучею самыхъ некрасивыхъ лавокъ и глиняныхъ избушекъ до самыхъ стѣнъ медресе, между которыми ведетъ очень узкая улица. При большомъ пожарѣ нынѣшняго года эта часть базара болѣе другихъ пострадала, и даже совершенно сгорѣла, такъ что теперь только выказываются медресе во всей своей прелести. Сгорѣвшія лавки ясно доказываютъ, что средняя улица не имѣла болѣе двухъ или трехъ саженъ въ ширину, и я удивляюсь какъ Вамбѐри могъ приложить къ описанію своего

путешествія картину гдѣ эта площадь представлена обширною и величественною, такъ какъ онъ долженъ былъ найти базарную площадь еще покрытою избушками. Какъ мнѣ сообщилъ главнокомандующій войсками, онъ приказалъ очистить эту площадь и запретилъ вновь строить на ней лавки. Такъ теперь только, когда «невѣрные» заняли эти мѣста, прекраснѣйшее мѣсто Самарканда будетъ почитаемо какъ слѣдуетъ.

Къ - сожалѣнію я нашелъ медресе пустыми (ибо всѣ муллы убѣжали) и я долженъ основываться на незначительныхъ сообщеніяхъ своего проводника.

Эти три медрессе называются: Медрессе-и-Ширударъ, Медресе-и-Тиллекари, и Медресе-и-Улугъ-Бекъ. Фасады ихъ богато украшены мозаикой изъ матово-зеленыхъ, темносинихъ, бѣлыхъ и красныхъ изразцовъ, въ родѣ Тюрбети-Тимура. На Медресе-и-Улугъ-Бекъ, кромѣ того, надъ среднимъ порталомъ изображены два большихъ тигра. Двѣ другъ противъ друга лежащія медресе имѣютъ по обѣимъ сторонамъ высокія, изъ кирпичей сложенныя колоны, которыя также украшены мозаикой. Всѣ три медресе построены въ квадратахъ окружающихъ внутренные дворы. Снаружи лишь на лицевой сторонѣ есть ниши дверей и окошекъ. Ниши остальныхъ трехъ сторонъ обращены внутрь дворовъ. Фасады этихъ зданій украшены великолѣпными порталами со сводами до самой крыши ихъ. На остальныхъ трехъ заднихъ корпусахъ находятся глазурованные куполы въ формѣ дынь.

1) Медресе-и-Ширударъ. Построена Ялангтушъ- (не Іеленктошъ-) Багадуромъ въ 1010 году. Войдя черезъ главный порталъ во внутренній дворъ, въ срединѣ трехъ остальныхъ сторонъ строенія также видишь довольно высокіе порталы, между которыми ниши дверей къ кельямъ показываются въ двухъ этажахъ. Каждая дверь ведетъ къ отдѣльной кельѣ, обитаемой двумя муллами. Медресе-и-Ширударъ состоитъ изъ 64 комнатъ, слѣдовательно въ ней могутъ жить 128 муллъ.

2) Медресе-и-Тиллекари устроена 18 лѣтъ позже Ширудара, въ 1028 году. Внутренное устройство ея совершенно сходно съ первой. Въ ней только 56 комнатъ, и жило оттого здѣсь только 112 муллъ. Въ лѣвомъ флигелѣ Медресе-и-Тиллекари есть мечеть построенная съ высокими сводами, въ которой ступеньки для имама изъ бѣлаго мрамора. Украшенія нишъ мечети похожи на украшенія нишъ Тюрбети-Тимура. Вакуфы этихъ обѣихъ медрессе находятся на юго-западѣ отъ города Катты-кургана, и занимаютъ все пространство между Нурпаемъ и горами Тимъ-тагъ, на протяженіи деревень отъ Агекши до Ширинъ-хатуна. Эти вакуфы подарены медресе самымъ Ялангтушемъ.

3) Медресе-и-Улугъ-Бекъ, внука Тимура. Она гораздо меньше остальныхъ медресе и только одноэтажная. Въ ней 24 комнаты, въ которыхъ помѣщалось 48 муллъ. На задней сторонѣ ея есть мечеть, которая была разрушена, но теперь съизнова поправлена. Потолокъ въ ней теперь деревянный, подпираемый деревянными столбами съ хорошей рѣзбой. Дворъ ея, какъ у остальныхъ медресе, вымощенъ булыжникомъ.

Великолѣпнѣйшая изъ всѣхъ медресе и истинно-величественное зданіе временъ Тимура есть Медрессе-и-Ханымъ. Построена она въ 791 году, женою Тимура. Безъ сомнѣнія она служила образцемъ для выше описанныхъ трехъ медресе, ибо всѣмъ своимъ устройствомъ она съ ними сходна; но такъ какъ она бо̀льшею частію разрушена, то можно ея развалины понять только съ помощью сравненія ихъ съ вышеописанными медрессе. По объему Медресе-и-Ханымъ гораздо больше вышеописанныхъ. Минареты у лицевой стороны ея были въ діаметрѣ почти вдвое болѣе куполовъ тѣхъ медресе. По большей части эта медресе, какъ я уже сказалъ, разрушена, и изъ распавшихся ея кирпичей построены ближайшія улицы. Отъ передняго корпуса остался только одинъ порталъ и основаніе минаретовъ. Боковые флигеля

совершенно разрушены, одинъ средній порталъ лѣваго флигеля частію уцѣлѣлъ и употребляется теперь какъ амбаръ. Отъ задняго корпуса осталась только въ среди его лежащая мечеть: она лучше всего сохранилась. Сводъ купола этой мечети очень высокъ. Украшенія внутреннихъ стѣнъ совершенно отпали. Куполъ треснулъ и образовалась щель, шириною болѣе аршина. Все-таки строеніе такъ крѣпко, что оно стоитъ уже десятки лѣтъ не измѣнившись нисколько. Внутри мечети есть огромный столъ изъ бѣлаго мрамора.

Нельзя не сознаться въ томъ непріятномъ впечатлѣніи, которое на насъ производитъ настоящее состояніе этого великолѣпнаго зданія съ его прелестными украшеніями изъ мозаики: впечатлѣніе это возбуждаетъ чувство презрѣнія къ жителямъ, небрежность которыхъ довела это строеніе до разрушенія. Сравнивая величину Медресе-и-Ханымъ съ остальными медресе, можно смѣло сказать, что здѣсь нѣсколько сотенъ келій давали помѣщеніе ученымъ мулламъ.

Внѣ города, на сѣверо-восточной сторонѣ, находится могильная часовня Шахъ-Зиндэ (Касимъ-бенъ-Аббаса). Зданіе, въ которомъ могила этого святаго, стоитъ на довольно значительной возвышенности и окружено со всѣхъ сторонъ огромными кладбищами, которыя тянутся почти до самаго города. Вся терраса съ улицы до часовни наполнена разными строеніями, которыя своею неправильностью доказываютъ что строились они въ разныя времена. Къ самой часовнѣ Касимъ-бенъ-Аббаса ведетъ между разными зданіями довольно узкая улица, вымощенная булыжникомъ. Мраморныхъ ступеней, о которыхъ говоритъ Вамбѐри, я не видалъ. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ муллъ мы поднимались къ часовнѣ; насъ окружала безмолвная тишина; въ разныхъ мѣстахъ видѣли мы молящихся въ тихомъ созерцаніи. Черезъ порталъ и узкій, устроенный сводами, корридоръ насъ вели къ очень богато убранной мечети. Здѣсь мои спутники исполнили короткую молитву, и, по окончаніи ея, мы вошли черезъ

маленькую дверь въ небольшую комнатку, въ которой стояло знамя святаго. На западной стѣнѣ комнаты была придѣлана желѣзная рѣшетка. За ней находилась могила. Мои спутники съ благоговѣніемъ прикладывали свои лица къ рѣшеткѣ, гладили ее руками и читали фатху. Я также подошелъ къ рѣшеткѣ и увидѣлъ сквозь нея маленькую комнатку изъ жженыхъ кирпичей, въ которой и находится могила выложенная кирпичами. На могилѣ лежала большая куча синихъ и зеленыхъ тряпокъ.

Спутники мои объяснили мнѣ, что согласно обычаю, слѣдуетъ дать хранителю могилы маленькій подарокъ. Я подалъ тому муллѣ, который казался здѣсь хозяиномъ, рубль серебромъ. До сихъ поръ была вокругъ насъ святая тишина, всѣ казались тронутыми набожнымъ благоговѣніемъ, но подарокъ мой измѣнилъ все. Другой мулла объяснилъ, что деньги слѣдовало дать ему, и затѣмъ начался между заинтересованными сторонами споръ, который, не смотря на святость мѣста, они вели самой оскорбительною бранью, и въ который вмѣшивались всѣ присутствующіе. На меня сцена эта произвела столь непріятное впечатлѣніе, что я поспѣшилъ оставить святыню.

Мечеть и часовня, должно быть, когда-то были великолѣпно украшены; но уже давно и здѣсь изчезло прежнее великолѣпіе. Богато украшенный потолокъ и полива на стѣнахъ бо́льшею частью отпали, а сдѣланныя поправки очень грубы и безъ вкуса. Когда я спросилъ, было-ли здѣсь лѣтнее жилище Тимура, никто изъ присутствующихъ не могъ мнѣ дать отвѣта. Все что я могъ узнать было то, что зданіе это построено въ 795 году гиджры, и что Касимъ-бенъ-Аббасъ скрылся здѣсь живой въ землѣ.

На юго-восточной сторонѣ города находится цидатель. Она въ отношеніи къ городу очень велика и имѣетъ нѣсколько верстъ въ окружности. Валъ, окружающій эту крѣ-

пость, очень не великъ, но стѣна толста и высока. Такъ какъ здѣсь нѣсколько дней тому назадъ была ужасная борьба, и кромѣ того крѣпость вся перестраивается Русскими, то понятно что все здѣсь въ большомъ безпорядкѣ и въ совершенно другомъ состояніи нежели было прежде. Замѣтить можно было, что все внутреннее пространство цитадели нѣкогда занято было множествомъ маленькихъ зданій, между которыми извивались узкія улицы. Посреди этихъ домовъ находится замокъ Эмира, въ которомъ Эмиръ проживалъ нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ, и гдѣ всякій новый эмиръ долженъ принимать власть предшественника. Снаружи этотъ замокъ очень мало отличается отъ другихъ зданій крѣпости, только окружающая его стѣна немного выше и правильнѣе остальныхъ стѣнъ. Дворецъ состоитъ изъ множества дворовъ, флигелей и большихъ зданій съ галлереями соединенными между собою безъ всякаго порядка. Дома всѣ изъ глины и лишь нѣкоторые изъ нихъ оштукатурены. Нигдѣ я не замѣчалъ ни малѣйшаго слѣда пышности или царской роскоши. Правда, что прежде этотъ дворецъ представлялъ другой видъ чѣмъ теперь, когда онъ преобразованъ въ больницу. Единственная достопримѣчательность найденная мною въ замкѣ Эмира, есть знаменитый Кокташъ (синій камень), возсѣдая на которомъ, эмиры вступали въ управленіе краемъ. Онъ находится на большомъ дворѣ въ срединѣ довольно акуратно построенной галереи. За камнемъ есть въ стѣнѣ ниша, украшенія которой сходны съ украшеніями нишъ Турбети-Тимура. Этотъ такъ-называемый Кокташъ есть большой кусокъ бѣлаго мрамора съ едва замѣтными синими жилками. Онъ гладко обтесанъ и только на верхнемъ краѣ есть узкая полоса высѣченныхъ со вкусомъ арабесокъ. Вышина Кокташа 1½ аршина, длина его 15 четвертей а ширина семь четвертей. На стѣнѣ висятъ еще теперь оба фирмана, о которыхъ говоритъ Вамбѣри, но они написаны простыми чернилами—не золотомъ. Въ стѣнѣ, налѣво отъ

задней ниши, есть продолговатый черный камень, на которомъ находится надпись.

Замокъ Эмира доказываетъ во всякомъ отношеніи, что онъ построенъ не очень давно. И во всей крѣпости нигдѣ нѣтъ старинныхъ строеній, за исключеніемъ кладбища находившагося на краю крѣпости, и могилы Кутфъ-и-Чердаунъ. На этой могилѣ построена часовня украшенная снаружи мозаикой. Къ могилѣ этого святаго спускаются по многочисленнымъ галлереямъ и подземнымъ ходамъ много ниже уровня крѣпости. Она точно также какъ и могила Шахъ-Зиндэ, построена изъ кирпичей и покрыта кучею тряпокъ. Здѣсь таже рѣшетка охраняющая святое мѣсто отъ приближенія постороннихъ лицъ. Теперь, когда часовня оставлена совершенно, и рѣшетка не была заперта, я могъ осматривать могилу очень свободно. На могилѣ я нашелъ продолговатый камень, похожій на камень въ стѣнѣ у Кокташа, только надпись къ-сожалѣнію была на многихъ мѣстахъ не такъ ясна.

Говорятъ, что эта могила построена во времена Тимура.

Во время царствованія этого государя Самаркандъ былъ гораздо обширнѣе чѣмъ теперь. Крѣпость Самаркандская была тогда не здѣсь, но въ 3—5 верстахъ къ сѣверу отъ города. Я посѣтилъ это мѣсто и нашелъ здѣсь возвышенность довольно значительную, на которой была, какъ казалось, еще искусственная насыпь, вѣроятно прежняя цитадель. Мѣсто это великолѣпно для обороны, ибо природа защищаетъ его отъ всякаго нападенія и по своей близости оно владѣетъ совершенно городомъ. Здѣсь я замѣтилъ много довольно глубокихъ ямъ, о которыхъ мнѣ говорили, что жители во время войны зарыли въ нихъ свое имущество.

Къ юго-востоку отъ города, около $1\frac{1}{2}$ версты отъ Бухарскихъ воротъ, лежитъ среди садовъ Медресе-и-Ходжа-Эхрамъ. Устроена она совершенно по образцу Медресе-и-Ширударъ, и украшена подобными же

украшеніями изъ мозаики. Основана была эта медресе 320 лѣтъ тому назадъ. Куполъ надъ мачетью уже разрушается. Здѣсь 30 келій, въ которыхъ живутъ 60 муллъ. Возлѣ этой медресе превосходный садъ съ очень высокими деревьями. Въ этомъ саду новая мечеть, которая также очень повреждена, и четырнадцать лѣтъ тому назадъ вмѣстѣ съ медресе была реставрирована. Въ саду находится возвышеніе окруженное кирпичною стѣною, и на немъ могила Ходжи-Эхрама. На могилѣ лежитъ высокая плита изъ чернаго мрамора, вся покрытая надписями; передъ могилой стоитъ высокое знамя и столбъ, на которомъ зажигаются свѣчи. Мнѣ разсказывали, что умеръ Ходжа-Эхрамъ 396 лѣтъ тому назадъ.

Изъ новыхъ медресе заслуживаетъ еще вниманія только Медресе-и-Али, построенная эмиромъ-Мусафаромъ и состоящая изъ большаго одноэтажнаго квадрата. Она построена изъ простыхъ сженныхъ кирпичей. Въ ней 48 келій для муллъ; на дворѣ этой медресе большой четыреугольный бассейнъ, окруженный прекрасными деревьями.

Кромѣ этихъ медресе и могильныхъ часовень есть въ самомъ городѣ и въ садахъ еще большое количество мечетей и могилъ пользующихся бо̀льшею или мѐньшею извѣстностью. Я упомяну только о главныхъ изъ нихъ, которые я самъ имѣлъ случай посѣтить.

1) Мехтюмъ-и-Хоразмъ. Большое кладбище съ множествомъ могилъ святыхъ изъ извѣстной семьи 120 лѣтъ тому назадъ переселившейся изъ Хоразма. Многія изъ этихъ могилъ украшены большими стоячими мраморными плитами. У кладбища находятся двѣ мечети съ великолѣпными фруктовыми садами и бассейнами; у этихъ мечетей есть и маленькая медресе изъ 6 комнатъ. Здѣсь теперь еще живутъ потомки святыхъ. Но я не видалъ ни одного изъ муллъ: они всѣ послѣ взятія Самарканда убѣжали.

2) Могила Ходжи Ниспетдара, умершаго около

800 лѣтъ тому назадъ. Могила построена изъ кирпичей и окружена деревянной рѣшеткой. Возлѣ могилы есть мечеть, построенная купцомъ Хаджи-баемъ.

3) Могила святаго Ходжа-Якуба. Могила украшена куполомъ построеннымъ, какъ говорятъ, во времена Тимура. Возлѣ могилы старая мечеть во вкусѣ Турбети-Тимури, и рядомъ съ ней новая мечеть построенная купцомъ Хаджи-баемъ. Въ древней мечети находится отверстіе къ самой могилѣ святаго Ходжа-Якуба. На послѣдней-же я нашелъ такой же долговатый черный камень какъ прежде описанный.

4) Меджид-и-Календеръ. Могила святаго Календеръ Хаджи-Сефа, пришедшаго изъ Мекки въ Самаркандъ, построена изъ кирпичей, окружена деревянной рѣшеткой и покрыта деревянной крышей. Недалеко отъ самой могилы есть обыкновенная мечеть. Къ ней принадлежитъ великолѣпный огромный фруктовый садъ. Здѣсь много маленькихъ хижинъ, гдѣ бѣдные и пилигримы находятъ пристанище. Всѣ доходы съ этого сада принадлежатъ бѣднымъ.

Обыкновенныхъ мечетей съ открытыми галлереями для ежедневныхъ молитвъ — безчисленное множество. Мечети здѣсь вообще любимыя мѣста для стеченія народа, ибо у всякой самой маленькой мечети есть бассейнъ и садикъ, и въ тѣни деревьевъ тамъ пріятно отдохнуть отъ знойнаго жара открытыхъ улицъ: поэтому у этихъ мечетей очень оживленное движеніе. Толпы пестро одѣтыхъ мужчинъ занимаютъ всякое защищенное отъ солнца мѣсто. Сидятъ здѣсь купцы, громко разговаривая о какомъ нибудь очень важномъ дѣлѣ; недалеко отъ нихъ собралось множество слушателей вокругъ дервиша или муллы, разсказывающаго священныя легенды; между ними расположились въ различныхъ группахъ наслаждающіеся простымъ завтракомъ изъ фруковъ и хлѣба. Здѣсь постоянное движеніе; казалось-бы что находишься въ трактирѣ, если-бы между этими группами не замѣтны были моля-

щіеся, исполняющіе обряды ежедневныхъ молитвъ. Замѣчательное, непонятное дѣло—фанатизмъ этихъ магометанъ! Тѣ самые люди, которые нѣсколько дней тому назадъ были готовы убить всякаго невѣрнаго осмѣлившагося войти въ святой городъ, теперь меня пригласили въ мечеть завтракать, и вокругъ себя я не замѣчалъ ни одного лица смотрѣвшаго съ ужасомъ на кафира; напротивъ, присутствующіе вмѣшивались въ нашъ разговоръ, который мы вели въ довольно веселомъ тонѣ.

Вообще нельзя отрицать, что христіяне здѣсь въ Самаркандѣ не слишкомъ часто видятъ привѣтливыя лица; черные глаза, которые на насъ смотрѣли, очень часто блистали изъ подъ черныхъ бровей довольно дикимъ огнемъ, и невольно рука искала за поясомъ оружія, когда на насъ направленъ былъ одинъ изъ этихъ ядовитыхъ взглядовъ. Только одна часть жителей Самарканда, хотя весьма незначительная, здѣсь приняла христіянъ съ величайшею радостью — это евреи. Замѣчательная игра судьбы! Еврей, который въ Европѣ столько столѣтій жилъ во враждѣ съ христіяниномъ и теперь еще такъ рѣзко отъ него отдѣляется, въ Азіи привѣтствуетъ его съ сіяющимъ лицемъ, радостно присоединяется къ нему и счастливъ, когда онъ можетъ поклониться ему. Съ гордостью смотритъ онъ на христіянина какъ на своего друга, своего защитника, чувствуя себя безопаснымъ возлѣ него и смотритъ съ презрѣніемъ на магометанина. Нѣкоторые евреи, съ которыми я познакомился, пригласили меня посѣтить ихъ жилища. Какъ только мы въѣхали въ еврейскій кварталъ, снаружи ничѣмъ не отличающійся отъ остальныхъ частей города, мы увидали себя окруженными густой толпой, которая съ громкими восклицаніями радости провожала насъ по улицамъ. Приглашали насъ входить въ дома и вездѣ встрѣчали привѣтливо. Угощали насъ хлѣбомъ, фруктами, чаемъ, выкуреннымъ изъ винограда виномъ, и мы принимали предложенное намъ на открытыхъ галлереяхъ, окруженные густою толпой любопытныхъ.

Домѣ евреевъ такіе-же какъ дома магометанъ, и бо̀льшею частію построены работниками - магометанами. Нѣкоторые изъ евреевъ, особенно аксакалъ (старшина), къ которому мы и зашли, какъ казалось, довольно зажиточны. Гостиная у аксакала была хорошо убрана и большой садъ примыкалъ къ дому. Хозяинъ не мало путешествовалъ и разсказывалъ намъ даже о Германіи, которую онъ посѣтилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Радушный пріемъ, который здѣсь дѣлаютъ евреи христіянамъ, объясняется тѣмъ ужаснымъ гнетомъ, который они по настоящее время терпѣли отъ магометанъ. Они должны были уже одеждой отличаться отъ правовѣрныхъ: подпоясываться веревкой, а не поясомъ, и на головѣ носить острый колпакъ, чтобы правовѣрный по ошибкѣ не поклонился бы невѣрному. Запрещено было имъ ѣздить верхомъ на лошади или на ослѣ; и каждому правовѣрному они должны были давать дорогу, съ почтеніемъ преклоняясь передъ нимъ. Понятно что теперь это измѣнилось, и евреи носятъ пояса и шапки обшитыя мѣхомъ. Они брѣютъ голову какъ магометане, только надъ висками оставляютъ часть волосъ — песики, которые обыкновенно въ видѣ длинныхъ локонъ падаютъ на грудь. Это единственное отличіе евреевъ отъ остальныхъ магометанскихъ жителей города.

Кромѣ обыкновенныхъ податей, евреи должны были платить еще особую дань, которая бралась поголовно и отъ 2 доходила до 12 рублей. Гоненіе на евреевъ была вещь очень обыкновенная, и часто, когда эмиръ или беки были въ нуждѣ, они безъ церемоніи угрожали убить всѣхъ евреевъ, которые тотчасъ откупались большими деньгами. Эмиръ даже въ нынѣшнемъ году, какъ говорятъ, принудилъ евреевъ заплатить бо̀льшую часть требуемыхъ отъ него контрибуціонныхъ денегъ. Если евреи теперь еще не смѣютъ носить чалмы, и вообще скромко держатся, то они дѣлаютъ это лишь ради своихъ братьевъ въ Бухарѣ, которыхъ эмиръ грозилъ убить,

если они осмѣлились-бы носить это святое украшеніе правовѣрныхъ.

Главное занятіе евреевъ есть торговля и именно торговля шелкомъ, который они сами красятъ, и куреніе вина, которое прежде отъ нихъ тайкомъ покупали правовѣрные. Теперь они тотчасъ захватили въ свои руки торговлю съ русскими: бо́льшая часть коммиссіонеровъ посѣщающихъ лагерь—евреи.

Типъ евреевъ остался совершенно чистымъ: длинные горбатые носы, узкія блѣдныя лица съ довольно выдающимися губами, вообще очень благородныя черты. Женщинъ я видѣлъ очень немногихъ, но дѣвушки были почти всѣ удивительной красоты.

Всѣ движенія евреевъ показываютъ ясно отпечатокъ рабства, которое они столько лѣтъ переносили. Страсть къ пріобрѣтенію и наклонность къ торговлѣ у нихъ обнаруживаются не менѣе чѣмъ у европейскихъ ихъ единовѣрцевъ, но это здѣсь менѣе замѣтно, потому что магометане въ этомъ отношеніи имъ нисколько не уступаютъ.

Языкъ, которымъ говорятъ здѣсь евреи, безъ исключенія персидскій, когда они говорятъ между собою; но всѣ, и даже самые маленькія дѣти, говорятъ по-татарски; нѣкоторые изъ нихъ, уже въ-теченіе тѣхъ немногихъ недѣль что Русскіе въ Самаркандѣ, выучили много русскихъ словъ, такъ что уже могутъ кое-какъ объясняться по-русски.

Во время моего пребыванія въ еврейскомъ кварталѣ посѣтилъ я также между прочимъ синагогу. Мы остановились передъ маленькимъ домикомъ, прошли черезъ два или три узкіе двора, и наконецъ вышли на довольно большой дворъ, гдѣ подъ открытой галлереей сидѣло около 40 маленькихъ дѣтей. Въ срединѣ ихъ сидѣлъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, и читалъ изъ большой библіи на распѣвъ громкимъ голосомъ еврейскій текстъ, при чемъ онъ въ тактъ качалъ свое туловище. Мальчики сидѣли по-трое, съ поджатыми ног-

ками, вокругъ одной библіи, и повторяли хоромъ слова учителя, подражая вмѣстѣ съ тѣмъ и его движенію туловищемъ. Мнѣ сообщили, что мальчики здѣсь только учились читать по-еврейски и что здѣсь имъ не объясняютъ читаннаго. Черезъ нѣсколько времени мы пошли далѣе; пройдя еще черезъ дворъ и узкій коридоръ, мы дошли наконецъ до маленькаго домика окруженнаго со всѣхъ сторонъ высокими домами. Передъ этимъ домикомъ была открытая галлерея. Здѣсь опять сидѣло до сорока мальчиковъ, отъ 10 до 16 лѣтъ, и среди ихъ сидѣлъ сѣдой старикъ раввинъ. Онъ заставлялъ ихъ поочереди читать и объяснялъ имъ прочитанное. И здѣсь всѣ читающіе качали туловищемъ. Я взглянулъ на нѣкоторыя изъ книгъ и увидалъ вездѣ, къ крайнему моему удивленію, вѣнскія и лондонскія изданія. Я спросилъ учителя, нѣтъ-ли у нихъ старинныхъ рукописныхъ книгъ, но онъ мнѣ отвѣтилъ, что такихъ здѣсь найти невозможно, что всѣ ихъ книги получаются черезъ Россію или черезъ Индію.

О происхожденіи здѣшнихъ евреевъ онъ мнѣ разсказывалъ, что они переселились лѣтъ 100 или 150 тому назадъ изъ Персіи въ Бухару и оттуда въ Самаркандъ. Онъ самъ помнитъ еще стариковъ, родившихся въ Персіи. Только въ послѣднее время переселились отсюда евреи въ Ташкентъ.

Евреевъ здѣсь болѣе 1000 душъ, и бо́льшею частію они грамотны.

Потомъ раввинъ ввелъ меня въ маленькій домикъ безъ оконъ; это была синагога. Внутри она была безъ всякаго украшенія, въ задней стѣнѣ находились двери и за ними стояли молитвенные свертки въ футлярахъ изъ краснаго бархата. Эти свертки были писаны на новой бумагѣ и въ почеркѣ не обнаруживалось ничего стариннаго. Когда я выразилъ удивленіе что синагога такая маленькая, раввинъ мнѣ объяснилъ, что до сихъ поръ они могли лишь въ тайнѣ исполнять обряды своего богослуженія и что они всѣ лишились-бы жизни, если-бы магометане узнали о су-

ществованіи синагоги. Но теперь они намѣреваются построить большую новую синагогу.

У евреевъ я встрѣтилъ много индѣйцевъ изъ Пенджаба. Во время осады занятой Русскими цитадели они искали себѣ убѣжища у евреевъ. Бо́льшая часть индѣйцевъ была убита во время этихъ смутъ магометанами и съ ними же много евреевъ. Индѣйцевъ въ Самаркандѣ очень немного. Они здѣсь, какъ и въ остальныхъ городахъ средней Азіи, ростовщики. Индѣйцевъ магаметане ненавидятъ еще болѣе чѣмъ евреевъ.

Дать статистическія свѣдѣнія о Самаркандѣ я никакъ не въ состояніи. Я полагаю, что въ Самаркандѣ по крайней мѣрѣ до 10,000 жителей. Въ своемъ объемѣ Самаркандъ гораздо незначительнѣе Ташкента, который безспорно самый большой городъ трехъ ханствъ. Какъ мѣсто торговое, Самаркандъ также далеко не имѣетъ значенія Ташкента, потому что черезъ него идетъ только торговый путь между Бухарой и Коканомъ. Русскіе, какъ и индѣйскіе, товары привозятся сюда черезъ Бухару, только въ количествѣ потребномъ для нуждъ самаго Самарканда и его окрестностей, ибо Коканъ получаетъ русскіе товары черезъ Ташкентъ. Промышленностью самаркандскіе жители мало занимаются, здѣсь всего нѣсколько фабрикъ шелковыхъ и бумажныхъ матерій; главныя занятія жителей — садоводство, производство шелка и хлопка.

Что особенно отличаетъ Самаркандъ отъ другихъ городовъ, это его прошедшее и множество священныхъ мѣстъ, къ которымъ стекаются паломники со всѣхъ сторонъ.

3) Катты-Курганъ.

Въ Катты-курганѣ, лежащемъ въ 60—70 верстахъ къ западу отъ Самарканда на каналѣ Нурпай, я долженъ былъ, противъ своего желанія, пробыть болѣе недѣли, потому что пограничные бухарскіе коммисары явились очень поздно. Мы нашли здѣсь довольно удобное жилище въ саду Эмира

и поставили наши палатки вокругъ большаго четыреугольнаго бассейна въ тѣни аллей изъ гигантскихъ карагачей.

Садъ Эмира въ Катты-курганѣ очень великъ; онъ, правда, не соотвѣтствуетъ нашимъ понятіямъ о паркѣ царскаго увеселительнаго замка, но все-таки отъ остальныхъ садовъ довольно рѣзко отличается своимъ правильнымъ расположеніемъ, своими величественными деревьями и широкими гладкими дорожками, которыя покрыты высокими виноградными шпалерами. На правой сторонѣ сада находится прежнее жилье Эмира, состоящее изъ нѣсколькихъ флигелей и домовъ. Это довольно пріятное лѣтнее жилище, которое впрочемъ нигдѣ не отличается особенными украшеніями. Въ главномъ зданіи есть большая зала съ окнами въ садъ, которыя днемъ открыты, и съ галлереей на дворъ находящейся на другой сторонѣ. На лѣвой сторонѣ этого двора маленькая мечеть и возлѣ нея находятся низкіе домики съ комнатами для служителей Эмира. Направо отъ главнаго зданія — помѣщенія для женщинъ, посреди которыхъ крытый дворъ освѣщаемый сверху окнами маленькой башни. Стѣны вездѣ напросто выбѣленныя. Съ главнымъ дворомъ соединены другіе дворы, въ которыхъ находятся конюшни и службы.

Здѣсь обыкновенно Эмиръ жилъ отъ одного до двухъ мѣсяцевъ, и я слышалъ ужасающіе разсказы о нравственномъ его поведеніи. Онъ былъ окруженъ большою толпою женщинъ и мальчиковъ, и постоянно требовалъ свѣжаго товара отъ своихъ любезныхъ подданныхъ. Я лучше умолчу о развратной жизни владѣтеля правовѣрныхъ.

Садъ Эмира лежитъ въ полуверстѣ къ югу отъ города Катты-кургана. Отъ него до городскихъ воротъ ведетъ прямая, очень широкая улица какой я нигдѣ не встрѣчалъ въ Средней Азіи. Городъ Катты-курганъ построенъ четыреугольникомъ, и имѣетъ ворота съ четырехъ сторонъ. Къ югу лежитъ Самаркандъ-дерваз̀э-и (Самаркандскія ворота), на восточной сторонѣ Айдаръ-Чаманъ-дер-

вазѣ-и, на сѣверной сторонѣ Базаръ-дервазѣ-и, и на западной сторонѣ Бухара-дервазѣ-и. Въ серединѣ города, на маленькой искуственной возвышенности, имѣется довольно незначительная цитадель. Улицы узкія и угловатыя, домà и стѣны бо̀льшею частію полуразрушившіяся. Во всемъ городѣ только одинъ домъ построенъ изъ кирпичей — это медресе находящаяся на базарѣ, недалеко отъ цитадели. Имя этой медресе — Медресе-и-Накши; она основана 70 лѣтъ тому назадъ и построена, какъ прежде упомянутыя медрессе, квадратомъ окружающимъ внутренній дворъ. Лѣтомъ эта медресе совершенно пуста. Въ ней жили только 1 мударрисъ, 1 хатибъ, 1 имамъ и 1 муэззинъ, и кромѣ ихъ, еще 15 слѣпыхъ; зимой, какъ говорятъ, въ ней живетъ до 100 человѣкъ.

Базаръ — улица извилистая. Онъ начинается къ югу отъ крѣпости и простирается до Базаръ-дервазѣ-и. Съ обѣихъ сторонъ базара стоятъ ряды лавокъ, которыя въ небазарные дни бо̀льшею частію закрыты. Только лавки ремесленниковъ всегда открыты. На базарѣ я замѣтитъ два караван-сарая.

Большею частью домà въ городѣ, какъ я уже сказалъ, очень малы и полуразрушены; многіе изъ нихъ теперь пусты, такъ какъ въ нихъ прежде жили чиновники и солдаты. Жители города бо̀льшею частію бѣдны и состоятъ изъ ремесленниковъ, рабочихъ и мелкихъ торговцевъ; здѣсь же живетъ отъ 30 до 40 семействъ евреевъ. Богатыхъ капиталистовъ здѣсь не болѣе двухъ или трехъ.

Въ небазарные дни городъ пустъ: на базарѣ изрѣдка видишь маленькія группы людей; остальныя части города какъ будто мертвы.

Здѣсь я познакомился съ очень богатымъ купцомъ, афганцемъ изъ Кабула, который около 15 лѣтъ тому назадъ переселился сюда. Онъ меня пригласилъ къ себѣ, и я съ удовольствіемъ принялъ его приглашеніе.

Домъ его состоитъ изъ нѣсколькихъ дворовъ, на которыхъ находятся амбары, склады и мастерскія для разматыванія шелка. Въ срединѣ ихъ домъ хозяина, состоящій изъ двухъ этажей. Въ верхнемъ этажѣ очень хорошо устроенныя комнаты для пріема гостей. Стѣны и потолокъ покрыты гипсомъ и украшены вездѣ рельефными арабесками съ большимъ вкусомъ; первыя раскрашены очень красивыми рельефными виньетками окружающими букеты цвѣтовъ самыхъ яркихъ колеровъ. Потолокъ горѣлъ въ самыхъ разнообразныхъ цвѣтахъ, собранныхъ въ рисункахъ, какіе можетъ создать лишь фантазія восточнаго народа. Полъ былъ покрытъ туркменскими коврами.

Угощеніе было обыкновенное: пилавъ съ морковью, чай, фрукты и конфекты. Болѣе всего заинтересовали меня сообщенія хозяина о торговлѣ шелкомъ.

Лучшіе коконы Зерафшанской долины—бухарскіе. Въ Бухарѣ цѣна 1 череку (5 фунтамъ) отъ 4 до 8 кокановъ (отъ 80 к. до 1 руб. 60 коп.). Лучшіе Катты-курганскіе коконы не дороже 7 кокановъ (1 руб. 40 коп.). Коконы коканскіе еще болѣе цѣнятся чѣмъ бухарскіе; однако Коканцы не умѣютъ обработывать шелкъ, отчего бухарскія шелковыя матеріи гораздо дороже коканскихъ. По здѣшней обработкѣ 32 черека (4 пуда) коконовъ даютъ лишь два черека шелку лучшаго отбора; худшаго сорта получается изъ того-же количества отъ 4 до 5 чересковъ. Вокругъ Катты-кургана очень много занимаются производствомъ шелка, и хозяинъ мой полагалъ, что бекства Катты-курганъ и Пейшемби производятъ до 500 батмановъ (5,000 пудовъ) сырца. Шелкъ смотанный здѣсь безъ исключенія отправляется въ Бухару, и даже самаркандскій шелкъ бо́льшею частію отправляется туда-же, потому что лишь незначительную часть его иранскіе поселяне ткутъ въ Самаркандѣ и его окрестностяхъ. Въ Катты-курганѣ нигдѣ нѣтъ фабрикъ шелковыхъ издѣлій. Изъ Бухары же отправляется значительное количество сыраго шелка черезъ Афга-

нистанъ въ Индію. Цѣна хорошему сырцу здѣсь 100 кокановъ (20 руб.) за черекъ, между тѣмъ какъ худой шелкъ стоитъ только 3 тилы 5 кокановъ (13 руб. сер.) за черекъ.

Я потомъ осматривалъ фабрику гдѣ разматывается шелкъ. Нисколько не удивительно, что при такомъ весьма нераціональномъ разматываніи получается только 16-я часть чистаго шелка. Шелкъ наматывается на большое мотовило имѣющее по крайней мѣрѣ четыре аршина въ діаметрѣ. Такой размѣръ мотовилу данъ для того чтобы достигнуть болѣе значительной скорости оборота. У всякаго мотовила два человѣка: одинъ толкаетъ колесо, другой накладываетъ на него нить. Надобно удивляться какъ при такомъ несовершенномъ способѣ добывается еще сколько нибудь порядочный шелкъ.

Производство хлопка въ Катты-курганскомъ бекствѣ столь-же значительно какъ и производство шелка. Но здѣсь обработывается только незначительная часть добываемаго хлопка; бо́льшая часть лучшаго отбора посылается неочищенною въ Бухару.

Я посѣтилъ въ-послѣдствіи и здѣшнихъ ткачей, которые всѣ подтвердили сообщенія моего хозяина. Здѣсь въ Катты-курганѣ выдѣлываютъ слѣдующія бумажныя матеріи и продаютъ ихъ по слѣдующимъ цѣнамъ:

Бязь,	кусокъ	въ	8	аршинъ	по	60	коп. сер.
Аладжа	»		8	»	»	70	» »
Калами	»		8	»	»	50	» »
Астаръ	»		8	»	»	30	» »

Матеріи эти всѣ очень узкія. Здѣшняя ткань никуда не вывозится, но потребляется на мѣстѣ.

Ткачество здѣсь не очень выгодное ремесло. У одного ткача, у котораго дѣлалась аладжа, и котораго я потомъ посѣтилъ, было три станка. Одинъ человѣкъ не въ состояніи изготовить въ день больше 8 аршинъ, и такимъ образомъ, при самой напряженной работѣ можетъ заработать въ день только 10 копѣекъ.

Устройство этихъ ткацкихъ станковъ не лучше устройства мотовилъ для разматыванія шелка. Нитки растягиваются на улицѣ на поперечныхъ гребняхъ, слагаются по пяти нитокъ въ видѣ нашихъ тесемъ, и сматываются въ длинноватые мотки. Ткацкіе станки находятся на одной стѣнѣ комнаты, а подъ ними въ полу углубленіе, такъ что ткань сидитъ на уровнѣ пола. Нити основы растягиваются отъ станка до верхней части противоположной стѣны, и подъ станкомъ навиты на осьмиугольную призму. Давленіемъ ногъ подымаются нити, отдѣленныя другъ отъ друга кусками камыша. Нити основы сначала сложены по пяти, а потомъ по сту, и отдѣляются другъ отъ друга деревянными гребнями укрѣпленными на стѣнѣ.

Когда матеріи вытканы, ихъ смачиваютъ клейковатою водою и бьютъ большими деревянными молотками до тѣхъ поръ пока они не получатъ гладкую, какъ бы лакированную наружность. Это проклеиваніе матерій производится особыми ремесленниками, мастерскія которыхъ на базарѣ. Я посѣтилъ одну изъ нихъ. Работа эта очень трудная и даетъ только самый скромный заработокъ. При самой напряженной работѣ одинъ работникъ въ день можетъ приготовить не болѣе четырнадцати кусковъ бумажной матеріи, и за всякіе восемь кусковъ получаетъ 20 копѣекъ серебромъ. Молотки стоятъ $2^1/_2$ кокана (50 копѣекъ) и черезъ мѣсяцъ уже не годны для дѣла. Полушелковыя матеріи (дарая) намачиваются яичнымъ бѣлкомъ.

Кромѣ этихъ мастерскихъ ткачей, я посѣтилъ еще одну изъ многочисленныхъ водяныхъ мельницъ. Мельницы лежатъ много глубже двигающей ихъ канавы. Вода канавы изливается въ деревянный жолобъ и попадаетъ на горизонтальное колесо, лежащее подъ самымъ жерновомъ, подъ угломъ по крайней мѣрѣ въ сорокъ градусовъ, такъ что жернова дѣлаютъ столько же оборотовъ какъ и колеса. Понятно что при такомъ устройствѣ вода должна имѣть огромное паденіе, чтобы какъ нибудь ускорить движеніе жернововъ.

Хлѣбныя зерна очищаютъ просѣваніемъ сквозь большія сита, и надо удивляться ловкости рабочихъ, которые движеніемъ руки бросаютъ хлѣбныя зерна, наполняющія сито до четвертой части, вверхъ болѣе сажени вышиною и потомъ опять съ тою же ловкостію принимаютъ ихъ въ сито. Сита имѣютъ почти аршинъ въ діаметрѣ. Въ мельницѣ было два жернова и всякій изъ нихъ мололъ въ сутки 10 батмановъ (100 пудовъ). За каждый батманъ мельникъ получаетъ 5 чериковъ (15 ф.) за работу въ видѣ платы. Въ окрестностяхъ Катты-кургана есть до 300 такихъ мельницъ.

Въ обыкновенные дни Катты-курганъ (какъ я уже сказалъ) очень пустъ, но это измѣняется въ базарные дни, по средамъ и суботамъ. Тогда не только вся базарная улица въ городѣ, отъ крѣпости до базаръ-дервазе, густо наполняется народомъ, но и улицы внѣ городскихъ стѣнъ до канала Нурпай и еще на полверсты по берегу самаго Нурпая. Тысячи покупателей и продавцевъ толпятся на базарѣ. Въ городѣ находятся ремесленники и городскіе продавцы, внѣ города же разставляютъ свои товары жители Пейшемби, Янгыкургана и всѣхъ деревень. На разныхъ пунктахъ базара торговцы группируются по роду своихъ товаровъ. Тамъ хлѣбный рынокъ, скотный рынокъ, фруктовый рынокъ и т. д. Въ базарные дни я по возможности шатался по базарамъ и собиралъ свѣдѣнія всякаго рода, что̀ при палящемъ солнечномъ зноѣ, при окружающей пыли и движеніи народномъ, составляло занятіе нелегкое. Базаръ начинается очень рано и оканчивается уже въ 11 часовъ утра. Я думаю, что не безъинтересно будетъ, если я здѣсь сообщу цѣны на главные товары.

Баранина.

За фунтъ 6 копѣекъ. Овцы пригоняются сюда изъ Шехрисебса или изъ Карши. Теперь большой рослый баранъ стоитъ не менѣе 40 кокановъ (8 руб.). Раньше цѣна овецъ не превышала 30 кокановъ (6 рублей). Причина этой дорого-

визны—военное положеніе края, ибо ни изъ Карши, ни изъ Шехрисебса не пригоняли скота. Нынѣ пригнанные бараны всѣ изъ Зандзаръ-тага, къ югу отъ города Ура-тюпѣ.

Говядина.

Отъ 3 до 4 копѣекъ за фунтъ. Въ жаркое время года говядина очень дешева, потому что ея надо скорѣе продать. Зимой цѣна говядины доходитъ отъ 8 до 9 копѣекъ за фунтъ. Вообще говядина привозится на базаръ въ небольшомъ количествѣ; жители Средней Азіи не любятъ ее.

Хлопокъ.

Неочищеннаго хлопка (гоза) на базарѣ было три сорта: лучшаго 1 батманъ по 40 кокановъ (8 руб.), средняго 1 батманъ—32 кокана (6 р. 40 к.), писшаго сорта 1 батманъ — 21 коканъ (4 рубли 20 коп.). Говорятъ что очищенный хлопокъ продается пудъ по 5 рублей. Въ Ташкентѣ, 16 пудовъ привезеннаго изъ Кокана очищеннаго хлопка стоятъ 24 тиллы (96 рублей серебр.).

Соль.

5 фунтовъ соли стоятъ 8 копѣекъ. Цѣна на соль вдрое выше прежней цѣны. Прежде 1 черекъ стоилъ отъ 2 до 3 копѣекъ. Видна здѣсь одна лишь каменная соль красноватаго цвѣта, которая привозится изъ Каршинскихъ горъ. И цѣна соли возвысилась вслѣдствіе войны, которая прервала всякое сообщеніе съ югомъ.

Мыло.

Мыло продается здѣсь круглыми кусками по 2 фунта; оно довольно бѣлое и крѣпкое, приготовляется же въ Каттыкурганѣ и въ окрестностяхъ. Кусокъ въ 2 фунта стоитъ 15 копѣекъ. Мыловаренныхъ фабрикъ не существуетъ: мыло приготовляется въ домашнемъ хозяйствѣ.

Табакъ.

Табакъ продается измельченный и въ очень незначительномъ количествѣ. Фунтъ его стоитъ 4 копѣйки. Такъ какъ куре-

ніе табаку здѣсь нигдѣ не въ обычаѣ, то изъ него приготовляется здѣсь лишь нюхательный табакъ. Приготовленный нюхательный табакъ стоитъ отъ 8 до 9 копѣекъ фунтъ.

Красильный матеріалъ въ сыромъ видѣ.

Бузганджъ (красная краска) изъ Карши; полфунта стоитъ 28 кокановъ (5 руб. 60 коп.).

Роянъ (желтая краска), корень привозимый изъ Бухары, 1 фунтъ 12 копѣекъ.

Найпусъ (желтая краска), добываемый на мѣстѣ, 1 фунтъ 10 копѣекъ.

Такмакъ изъ Ура-тюпэ, ½ пуда 2 рубля 40 коп.

Сѣмена китайскаго клевера.

Сѣмя растѣнія бэдэ, которымъ засѣваются искусственныя луга, стоитъ фунтъ 2 копѣйки. Для сѣва одного танапа необходимо полпуда сѣмени. Высѣянный клеверъ растетъ изобильно 4 года и каждый годъ скашивается 3 раза.

Фрукты:

Яблоки лучшаго сорта 1 фунтъ—2 копѣйки.
» нисшаго » 1 фунтъ—отъ 1 до 1½ копѣйки.
Урюки большіе 1 фунтъ—3 копѣйки.
» маленькіе 1 фунтъ—2 копѣйки.
Виноградъ лучшій сортъ 1 фунтъ—4 копѣйки.
» нисшій » 1 фунтъ—2 »

Пшеница.

Пшеница въ зернѣ 1 батманъ—18 кокановъ (3 р. 60 к.).

Пшеничная мука 1 батманъ—22 кокана (4 р. 40 к.). Мука теперь очень дорога; въ дешевое время цѣна ея обыкновенно не превышаетъ 17—18 кокановъ (3 р. 40—3 р. 60 к.).

Ячмень.

Ячмень употребляется здѣсь только для корма лошадей; 1 батманъ стоитъ 12 кокановъ (2 руб. 40 коп.).

Рисъ.

Неочищенный рисъ (шалъ), одинъ батманъ—24 кокана (4 рубля 80 копѣекъ).

Очищенный, лучшій рисъ, 1 батманъ—64 кокана (12 рублей 80 копѣекъ).

Мелкій рисъ, крупчатый, 1 батманъ—22 кокана (4 рубля 40 копѣекъ).

Глиняныя издѣлія.

Глазурованныя тарелки и блюда отъ 15 до 20 копѣекъ. Большія блюда 30 коп. Маленькія чашки 10 коп. за штуку.

Неглазурованные кувшины—отъ 5 до 6 копѣекъ, большіе 10 коп. Очень большіе, въ $1\frac{1}{2}$ аршина вышиною, 20 коп.

Въ Катты-курганѣ живутъ 6 мастеровъ глиняныхъ издѣлій; одинъ изъ нихъ имѣетъ свою мастерскую на внѣшнемъ базарѣ; въ ней работаютъ два работника, которые въ день приготовляютъ до семидесяти большихъ кувшиновъ. Работники нанимаются помѣсячно и каждый изъ нихъ получаетъ 20 кокановъ (4 р.) въ мѣсяцъ на собственномъ содержаніи.

Въ лавкахъ гдѣ продаются матеріи, кромѣ бумажныхъ катты-курганскихъ, были еще шелковыя и бумажныя издѣлія изъ Кокана, Бухары и Кабула.

1) Коканскіе товары:

Мата (грубая даба), восемь пачекъ по 12 аршинъ — 1 тилла 5 кок. (5 рублей).

Дарая (полушелковая матерія), два конца въ $3\frac{3}{4}$ арш. —1 тилла (4 рубля).

Шаи (шелковая матерія—8 арш.) отъ 5 до 6 рублей.

Одѣяла стеганныя на ватѣ, изъ грубой бумажной матеріи—отъ 1 до 3 рублей.

Халаты изъ бумажной матеріи—$1\frac{1}{2}$ рубля.

2) Бухарскіе товары:

Шаи, шелковая матерія (канаусъ), кусокъ въ 18 аршинъ отъ 15 до 18 рублей. Шаи бываютъ пестрыя, двуличневыя

(лиловосинія и зеленовато-желтыя), одноцвѣтныя (красныя, бѣлыя, желтыя), бѣлыя съ тонкими черными или желтыми дорожками, полосатыя.

Падшаи, полушелковая матерія, 18 арш. отъ 7 до 8 руб.

Басмашитъ (пестрый грубый каленкоръ), 100 штукъ по 22 аршина — отъ 110 до 120 рублей.

Саргуджа, бумажная матерія, низкій сортъ (подъ названіемъ киргизской), 18 арш. — 1 р. Лучшій сорть 18 арш. — 2 рубля.

3) Кабульскіе товары:

Нилъ, синяя краска, пудъ — отъ 14 до 15 тиллъ (56 — 60 р.).

Дакэ, бѣлый тонкій муль, 24 арш. — отъ 5 до 6 руб.

Камхатъ, шелковая матерія съ золотыми цвѣтками, 7 аршинъ — 50 тиллъ (100 рублей).

Изъ Кабула привозятъ сюда множество англійскихъ товаровъ, главнымъ образомъ дакэ и другія бѣлыя бумажныя матеріи.

4) Изъ Мешгеда:

Серь, тонкая бумажная матерія, 50 аршинъ стоятъ 10 р.

Готовые длинные халаты на бумажной подкладкѣ привозятся изъ Кокана и Бухары; они очень различной цѣны:

Халаты изъ	бумажной матеріи	отъ	2	до 5	руб.
» »	дараи	»	7	» 9	»
» »	шаи	»	10	» 14	»
» »	сукна	»	20	» —	»
» »	сукна, вышитые	»	25	» 30	»
» »	плиса, обыкновенно малиноваго цвѣта, золотомъ или серебромъ вышитые			40	»
» »	пестраго кашмира	»	50	» 60	»
» »	камхата	»	40	» 80	»

Торговля съ Кашгаромъ теперь совершенно прервана. Прежде оттуда привозили чай и серебро, послѣднее въ ямбахъ по 32 тилли. Чай, который теперь здѣсь продается,

очень худаго качества. Кажется, что привозятъ его чрезъ Кабулъ изъ Индіи. Китайскій чай—только зеленый; это самый любимый напитокъ богатыхъ татаръ.

Изъ другихъ предметовъ торговли слѣдуетъ еще упомянуть о коврахъ, привозимыхъ сюда въ большомъ количествѣ черезъ Бухару изъ сѣверной Персіи и Туркменской степи. Они изъ шерсти и великолѣпной работы. Цѣна зависитъ отъ красокъ и отъ величины; продаются отъ 10 до 100 рублей. Сѣдла привозятся изъ Самарканда.

Что касается до торговли сырыми шкурами, то онѣ, за исключеніемъ овечьихъ шкуръ, посылаются въ Бухару; овечьи шкуры идутъ безъ исключенія въ Ташкентъ.

Вотъ главныя свѣдѣнія собранныя мною на Катты-курганскомъ базарѣ. Я думаю, что торговыя отношенія Катты-кургана мало измѣнились, такъ какъ военные походы не тронули Зерафшанской долины. По этой причинѣ я здѣсь и собралъ свѣдѣнія о торговлѣ. Что военное положеніе не имѣло вліянія на жителей Зерафшана, это показываетъ все состояніе долины: жители ея, на сколько я могъ замѣтить, нигдѣ не оставляли своихъ жилищъ и, за исключеніемъ высшихъ классовъ, приняли русскихъ безъ всякой враждебности.

Селенія въ предѣлахъ горъ окружающихъ Зерафшанскую долину.

Тогда какъ Зерафшанская долина наполнена густыми рядами селеній, на террасахъ окружающихъ ее горъ лишь рѣдко встрѣчаются селенія разбросанныя кое-гдѣ и, кромѣ того, весьма незначительныя. Причина тому, какъ понятно, малое количество воды.

Селенія, которыя мы встрѣчали на дорогѣ изъ Самарканда въ Катты-курганъ—очень незначительныя деревни состоящія изъ нѣсколькихъ домиковъ разбросанныхъ по голой степи. Главныя изъ нихъ: Кара-су-даулъ, Зара-булакъ. Эти деревни на путешественника производятъ самое

непріятное впечатлѣніе. Домà того-же самаго сѣраго цвѣта какъ и окружающая ихъ степь, а отсутствіе садовъ лишаетъ ихъ очаровательнаго характера оазисовъ. Малое количество воды, которое едва достаточно для жителей на питье и получается отчасти изъ искуственныхъ колодцевъ, не допускаетъ подобной роскоши. Зато широкія волны террасъ покрыты безчисленными пашнями, которыя здѣсь не нуждаются въ искусственномъ орошеніи. Удивительно какъ хлѣбъ здѣсь можетъ родиться на этой сухой почвѣ. Но пашни эти производятъ на васъ не лучшее впечатлѣніе чѣмъ самая голая степь. Это не наши хлѣбныя поля, покрытыя густымъ золотымъ моремъ колосьевъ; здѣсь рдѣютъ лишь коротенкіе стебельки, а сквозь нихъ вездѣ видна однообразная сѣрая почва, такъ что издали поля ничѣмъ не отличаются отъ самой степи. Урожай, какъ говорятъ, здѣсь очень незначительный, и рѣдко бываетъ выше чѣмъ самъ-четвертъ и самъ-пятъ.

Такъ-какъ здѣсь было главное поприще военныхъ дѣйствій нынѣшняго года, то бòльшая часть жителей убѣжала на югъ; поля между Даулóмъ и Зира-булакóмъ остались нескошенными и совершенно засохли. Точно также и широкія поля между Зира-булакóмъ и Тимъ-тагóмъ (вакуфъ медресе Яланггуша въ Самаркандѣ).

Къ сѣверу отъ Зерафшана притоки воды гораздо значительнѣе; поэтому тамъ находятся довольно густыя плантаціи и луга. Вообще селенія между Акъ-тагомъ и Зерафшанскою долиной отличаются отъ селеній призерафшанскихъ только тѣмъ, что группы садовъ и домовъ разбросаны въ длинныхъ полосахъ по берегамъ водяныхъ источниковъ. И здѣсь многія изъ террассъ засѣяны пшеницею.

На горныхъ мѣстахъ Нуратанынгъ-тага, между сѣвернымъ Кара-тагомъ, Акъ-тагомъ, Караша-тагомъ и Ходумъ-тагомъ, также по недостатку воды, селенія рѣдки. Западная часть этихъ горъ до мѣстечка Сарай принадлежитъ къ Нуратинскому бекству. Главный городъ этого бекства, Нурата,

лежитъ на западной подошвѣ этихъ горъ и, какъ говорятъ, меньше города Катты-кургана, но все-таки это самый большой и почти единственный городъ всего бекства. Кромѣ него есть еще большое число базарныхъ мѣстечекъ: Чюэ, Багаджатъ, Акчапъ, Джушъ, Кошъ-ратъ, Пшатъ, которыя состоятъ изъ 50—100 разбросанныхъ домовъ; изъ нихъ Акчапъ, Джушъ, Пшатъ имѣютъ довольно значительное количество садовъ. Остальныя селенія состоятъ изъ очень немногихъ домовъ и находятся бо̀льшею частію на склонахъ сѣверныхъ и южныхъ горъ. Люди здѣсь занимаются земледѣліемъ и засѣваютъ свои поля на возвышенныхъ мѣстахъ гдѣ почва не нуждается въ искусственномъ орошеніи. Садоводство здѣсь незначительно, а рисъ и хлопокъ рѣшительно не разводятся. Скотоводство также не очень распространено, потому что голая степь не даетъ необходимаго корма для скота.

Горныя мѣста къ востоку отъ Сарая принадлежали прежде къ Джизакскому бекству; они населены еще рѣже чѣмъ восточная часть горъ и, за исключеніемъ Тюрсюна, довольно значительной деревни, вездѣ представляютъ селенія разбросанныя отдѣльными дворами. Бо̀льшею частію люди здѣсь живутъ въ кошомныхъ юртахъ, по берегамъ маленькихъ рѣчекъ. Садовъ здѣсь почти нигдѣ не видать, но при юртахъ почти всюду искусственные луга̀. Немного гуще населеніе по близости Накрута и Кара-абдала. Когда приближаешься къ долинѣ между Караша-тагомъ и Ходумъ-тагомъ, къ югу отъ деревни Конграта начинается густое населеніе; даже у деревни Джума-базаръ селенія сплошныя, какъ въ самой Зерафшанской долинѣ.

Отсюда тянется безпрерывный рядъ селеній къ юго-западу до городка Чилека, который меньше Катты-кургана, но все-таки былъ резиденціей отдѣльнаго бека. Объ окрестностяхъ города Чилека я не въ состояніи дать точныхъ указаній, потому что заболѣлъ на дорогѣ и только съ величай-

шимъ трудомъ могъ продолжать свой путь до Самарканда. Это и причина тому, что карта моя въ этихъ мѣстахъ показываетъ значительные пробѣлы.

Сѣвернаго склона Кара-тага, который прежде также принадлежалъ къ Джизакскому бекству, я не посѣщалъ. Но, какъ разсказываютъ, мѣстности эти мало отличаются отъ остальныхъ мѣстъ Нуратанынъ-тага. Единственный болѣе значительный пунктъ тамъ — укрѣпленіе Ухумъ.

Пути сообщенія.

Главныя дороги пролегающія черезъ Зерафшанскую долину, въ направленіи отъ востока къ западу, это пути сообщенія между Бухарой и Ташкентомъ (Коканомъ). Самый короткій путь между Ташкентомъ и Бухарой ведетъ черезъ укрѣпленіе Чиназъ, по безводной степи, въ городъ Джизакъ. У Чиназа, гдѣ приходится переправляться черезъ Сыръ-Дарью, желѣзный паромъ. Прежде эта дорога была самая посѣщаемая. Это доказываетъ великолѣпный, изъ кирпичей устроенный, каравансарай Мирза-раватъ, посреди безводной степи, между Чиназомъ и Джизакомъ. Мирза-раватъ теперь почти разрушенъ и подземные бассейны его для храненія дождевой воды находятся въ самомъ жалкомъ состояніи. Въ послѣдніе годы эта дорога посѣщается очень немногими караванами, потому что киризскій султанъ Садыкъ-тёрё, по приказанію Бухарскаго Эмира, грабилъ путешественниковъ. Одни русскіе путешественники, и то лишь огражденные значительнымъ конвоемъ, рѣшались слѣдовать по этому пути, и для поддержанія сообщенія между Чиназомъ и Джизакомъ былъ назначенъ правительствомъ ежемѣсячный военный отрядъ.

Дальній путь изъ Ташкента въ Джизакъ ведетъ черезъ городъ Ходжентъ (и тамъ хорошій паромъ облегчаетъ переправу черезъ Сыръ-Дарью), Нау, Ура-тэпэ и Заминъ. Дорога черезъ безводную степь составляетъ отъ 180 до 200 верстъ,

тогда-какъ дорога черезъ Ходжентъ—350 верстъ. Дорога изъ Кокана соединяется съ послѣдней южнѣе Ходжента.

Изъ Джизака ведутъ три главныя дороги въ Бухару:

1) Сѣверная дорога. По сѣверному склону Нуратанынъ-тага въ городъ Нурата и оттуда прямо въ Бухару.

2) Средняя дорога. Черезъ горный проходъ Баръишекъ, въ сѣверный Джума-базаръ (между Карашатагомъ и Ходумъ-тагомъ) въ городъ Катырчи.

3) Южная дорога. Черезъ такъ-называемыя Тамерлановскія ворота, по рѣчкѣ Иланъ-этю, немного сѣвернѣе укрѣпленія Янгы-кургана, въ Самаркандъ.

Отъ Самарканда эта дорога раздѣляется на двѣ дороги: 1) внѣшняя дорога на югѣ отъ Зерафшанской долины, черезъ деревни Даулъ, Чимбай и Ширъ-кудукъ въ Зара-булакъ; потомъ черезъ горы Тимъ-тагъ и степь Орта-чёль въ Бухару; 2) среди Зерафшанской долины, черезъ Янгы-курганъ, Катты-курганъ, Керминэ въ Бухару.

Такъ-какъ западная половина внѣшней дороги безводна, и кромѣ того по ней приходится сдѣлать перевалъ черезъ Тимъ-тагъ, путешественники большею частію слѣдуютъ по внѣшней дорогѣ до деревни Чаръ-кудукъ, и отсюда черезъ Катты-курганъ выходятъ на внутреннюю дорогу.

Между сѣверными горами есть значительная дорога по южному склону Кара-тага, соединяющая укрѣпленіе Янгы-курганъ и городъ Джизакъ съ селеніемъ Акчапъ и городомъ Нурата. Главныя селенія, черезъ которыя она идетъ: Кара-Абдалъ, Накрутъ, Сарай, Кошъ-ратъ, Джушъ и Акчанъ. Отъ нея отдѣляются слѣдующія дороги къ югу: 1) изъ Кара-Абдала между Карашатагомъ и Ходумъ-тагомъ въ г. Чилекъ; 2) изъ Накрута черезъ Тюрсюнъ въ Чилекъ; 3) изъ Кошъ-рата черезъ Пшатъ и Акъ-тэпэ въ Митанъ; 4) изъ Кошъ-

равата черезъ Татты въ Зербентъ; 5) изъ Кошъ-равата черезъ Керегэнъ въ Зербентъ; 6) изъ Кара-таша черезъ Каунчи въ Андакъ; 7) изъ Кара-таша черезъ Каратутъ въ Бюргэнь; 8) изъ Багаджата черезъ Тикенликъ въ Джизманъ (Тасмачи).

Дороги 1, 2, 3 и 8-я—главныя, потому что на остальныхъ дорогахъ перевалы черезъ Ак-тагъ довольно затруднительны. Перевалъ у Тикенлика возможенъ только на вьючныхъ лошадяхъ или на верблюдахъ, но вообще безопасенъ. Дороги 4, 5, 6 и 7-я, какъ говорятъ, очень затруднительны и для вьючныхъ лошадей.

Къ сѣверу отдѣляются слѣдующія дороги: 1) изъ Акчана въ Темиръ-каукъ; 2) изъ Сарая или Джуша черезъ Сэурюкъ или Устюнъ въ Ухумъ; 3) изъ Кара-абдала черезъ Зара-бель въ Кульму; всѣ эти перевалы очень затруднительны, особенно перевалъ къ Ухуму.

Къ юго-западу отъ города Джизака три горныя прохода черезъ Нуратанынъ-тагъ: 1) Иланъ-этю (обыкновенная дорога въ Янгы-курганъ); 2) горный проходъ Биръ-ишекъ; 3) горный проходъ Сары-сай къ востоку отъ рѣки Куакія.

Всѣхъ дорогъ въ собственной долинѣ Зерафшана я не въ состояніи обозначить; понятно, что при густомъ народонаселеніи ея, здѣсь безчисленныя дороги пересѣкаются. Болѣе значительныя дороги соединяютъ, конечно, города и базарныя селенія, особенно Янгы-курганъ, Катты-курганъ, Катырчи, Пейшемби и Чилекъ.

Главныя дороги слѣдующія:

1) отъ Катты-кургана до Пейшемби: Катты-курганъ, Кюшегей, Янывакъ, Машъ-ратъ, Кулъ-курганча, Иске, Ябы, Кадамъ, Пейшемби.

2) отъ Катты-кургана до Катырчи: Катты-курганъ, Кушбеги-тэпэ, Палванъ-тэпэ, Джалаиръ,

Кара-кыпчакъ, Мазаръ-алай, Кичи-мингъ, Катты-мингъ, Момунъ-ходжа, Узатъ-ханъ, Буламукчи, Ябу, Исавай-тэпэ, Кимедузъ, Катырчи.

3) изъ Пейшемби въ Катырчи: Пейшемби, Тавыранъ, Наука-тэпэ, Калмакъ-тэпэ, Ала-атлыкъ-ходжа, Беглерь-кышлакъ, Каганъ, Мангыранъ, Урусъ-кышлакъ, Кимедузъ, Катырчы.

4) отъ Катты-кургана въ Иштиханъ: Катты-курганъ, Кюрпе, Гедей-таппасъ, Акъ-чоргазы, Кирьичитъ, Кютере, Иштиханъ.

5) отъ Пейшемби въ Иштиханъ: Пейшемби, Аманъ-ходжа, Джума-базаръ, Байлата, Иштиханъ.

6) отъ Иштиханавъ Янгы-курганъ: Иштиханъ Сапа-ходжа, Араматъ, Саганча, Янгы-курганъ.

7) отъ Иштихана въ Чилекъ: Иштиханъ, Бэхранъ, Кара-кышлакъ, Митанъ, Чагатай, Сарачунакъ, Кіятъ, Сарышъ, Торайгыръ, Вели, Чибишъ-тэпэ, Паныкъ, Сарытай, Чилекъ.

8) отъ Янгы-кургана въ Чилекъ: Янгы-курганъ, Чиназаръ, Бешъ-кэтмэнъ, Балта, Чапарашлы, Чэукэ, Кочы-тэгирмэнъ, Эсэнъ-чарыкъ, Чилекъ.

9) отъ Чилека въ Самаркандъ: Чилекъ, Булунгуръ, Ду-арыкъ, Ишъ-макса, Ухлерь, Календеръ, Дагбитъ, Самаркандъ.

На востокъ ведетъ большая дорога отъ Самарканда къ городу Пенджи-кентъ и оттуда въ Уръ-митанъ; отъ этой дороги отдѣляются слѣдующія боковыя дороги: 1) дорога черезъ Кара-тэпэ въ Шехрисебсъ, 2) черезъ Джума-базаръ въ Ургутъ и въ Джамъ, 3) отъ Пенджикента черезъ Хурму въ крѣпость Магіянъ.

Отъ Катты-кургана къ югу дорога ведетъ черезъ Сарай-курганъ и Улусъ въ Джамъ и оттуда въ

Шехрисебсъ; отъ этой дороги опять отдѣляется дорога черезъ Сипкэ въ городъ Карши. Другая дорога въ Карши ведетъ отъ города Катырчи черезъ деревню Ширинъ-хотунъ въ Сипкэ.

Всѣ эти дороги въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи; огромныя колеса арбъ образовали въ мягкой глинистой почвѣ глубокія колеи, которыя особенно въ низменныхъ мѣстахъ часто вымываются водой и оттого превращаются въ глубокія ямы, болота или текущія канавы. Дороги въ окаймляющихъ долину горахъ никогда не поправляются, потому что здѣсь не угрожаетъ опасность отъ наводненія, и оттого онѣ иногда выѣзжены на глубину болѣе сажени. Дороги поправляются только въ низменныхъ мѣстахъ долины, гдѣ къ тому принуждаетъ жителей изобиліе воды.

Мосты встрѣчаются здѣсь изрѣдка и устраиваются только въ самыхъ необходимыхъ мѣстахъ, особенно надъ глубокими искусственными каналами берега которыхъ всегда круты, и гдѣ, при мягкой глинистой почвѣ, нельзя обойтись безъ моста. Такъ на-примѣръ, черезъ Нурпай и черезъ большіе южные каналы къ востоку отъ Самарканда построенъ мостъ у каждаго селенія. Но мосты эти очень худо устроены и состоятъ изъ необтесанныхъ бревенъ и досокъ, такъ-что переѣздъ черезъ нихъ довольно опасенъ. Я видѣлъ только одинъ мостъ который построенъ изъ кирпичей, это—выше упомянутый Хишъ-кэпрю, къ сѣверу отъ селенія Акъ-тэпэ, между Джизакомъ и Самаркандомъ. У жителей Средней-Азіи этотъ мостъ считается великолѣпнымъ строеніемъ, европейцу же онъ кажется жалкимъ твореніемъ, гораздо хуже нашихъ сельскихъ мостовъ. Этотъ мостъ построенъ лѣтъ 40 тому назадъ, отцемъ нынѣшняго эмира.

Рѣки и ручейки берега которыхъ пологи и русла которыхъ покрыты галькой—безъ мостовъ; только на большихъ рѣкахъ находятся очень грубыя лодки для перевозки людей и товаровъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ пересѣкаютъ главныя

дороги. Мели переѣзжаютъ бродомъ, на-примѣръ, на Зерафшанѣ около горы Чапанъ-ата. Броды эти на многихъ мѣстахъ не безопасны. На мелкихъ-же канавахъ мостовъ нѣтъ, и путешественники въ Средней-Азіи долго помнятъ съ ужасомъ эти болотистые, иломъ покрытые переѣзды, гдѣ завязнувшія телѣги задерживаютъ ихъ часто на нѣсколько часовъ.

Единственный мостъ, нынѣ разрушенный, который дѣйствительно представлялъ чудное архитектурное произведеніе, находится къ сѣверу отъ горы Чапанъ-ата, на томъ мѣстѣ гдѣ теперь съ опасностію жизни переѣзжаютъ бродомъ рѣку Зерафшанъ. Онъ былъ построенъ изъ кирпичей, и еще теперь двѣ величественныя его арки выходятъ далеко въ рѣку; но остальная часть его разрушена гибельнымъ вліяніемъ времени. Былъ-ли этотъ мостъ когда-то оконченъ, или остался онъ неоконченнымъ, этого теперь нельзя рѣшить; кромѣ двухъ арокъ поднимающихся на лѣвомъ берегу надъ уровнемъ рѣки до пяти саженъ, нигдѣ нѣтъ слѣдовъ моста. Такъ-какъ плотина раздѣляющая Кара-дарью и Акъ-дарью построена именно на этомъ мѣстѣ, то можно предположить что этотъ мостъ со своими огромными пилястрами вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ и основаніемъ плотины для раздѣла рѣки. Я не могъ узнать кѣмъ былъ устроенъ этотъ мостъ: жители не обращаютъ на него никакого вниманія. Мостъ этотъ представляетъ собою особый интересъ, потому что это единственное въ краю значительное архитектурное произведеніе непосвященное религіи.

Населеніе.

Народонаселеніе Зерафшанской долины и ея окрестностей по языку своему раздѣляется на два отдѣла: 1) племена говорящія тюркскими нарѣчіями, и 2) племена говорящія по-персидски. Первыя составляютъ главную часть населенія, и между ними послѣднія живутъ разсѣянно по нѣкоторымъ пунктамъ.

Говорящіе по-персидски жители Зерафшана называются здѣсь общимъ именемъ Таджиковъ. Они живутъ большею частію въ городахъ и тамъ занимаются почти исключительно торговлею и ремеслами. Частію они состоятъ изъ древнихъ персидскихъ жителей края, частію изъ позднѣйшихъ пришельцевъ изъ сѣверной Персіи, или изъ персидскихъ рабовъ, продаваемыхъ въ ханствахъ ежегодно въ очень значительномъ числѣ Тюркменами. Общее названіе для послѣднихъ—Иранцы, и принадлежатъ они частію, хотя и тайно, къ шіитской сектѣ.

Главныя мѣста пребыванія Таджиковъ (я этимъ именемъ хочу назвать всѣхъ говорящихъ по персидски): городъ Ходжентъ на Сыръ-дарьѣ, состоящій изъ двухъ отдѣловъ: узбекскаго города и таджикскаго города; Ура-тэпэ, Джизакъ, почти исключительно обитаемый таджиками, и Самаркандъ. Въ Самаркандѣ внутренній городъ населенъ только таджиками, и на улицахъ изрѣдка слышненъ другой языкъ кромѣ персидскаго; точно такъ и въ южныхъ садахъ города. Здѣсь также образовалось нѣсколько деревень Иранцевъ занимающихся исключительно производствомъ шелка. Городскіе Таджики о своемъ происхожденіи ничего не знаютъ.

Остатки прежнихъ персидскихъ жителей края — безъ сомнѣнія, и такъ называемые Галджа или горные Таджики, которые живутъ значительными кучами деревень на различныхъ горныхъ хребтахъ Бухарскаго и Коканскаго ханствъ. Видя древнихъ жителей только на высокихъ, горныхъ мѣстахъ, невольно приходишь къ убѣжденію что они удалились въ горы, вытѣсненные наплывомъ враждебныхъ имъ тюркскихъ племенъ. Эти сплошныя населенія горныхъ Таджиковъ, сколько я могъ узнать, находятся на слѣдующихъ мѣстахъ:

1) на разстояніи одного дня пути отъ Кокана, на дорогѣ въ Дауанъ; изъ здѣшнихъ мнѣ особенно названы были деревни: Шайданъ, Бебадурханъ и Тангасъ.

2) Въ горахъ на юго-западъ отъ Ташкента.

3) На сѣверномъ склонѣ Кара-тага между Джизакомъ и Темиръ-коукомъ.

4) По верхнему теченію Зерафшана, къ востоку отъ Пенджикента, гдѣ мнѣ называли жителей персидскими именами Галджа и Кара-тегинъ, или Кара-тіинъ.

Къ-сожалѣнію я не могъ посѣтить ни одного изъ означенныхъ селеній, и потому объ этихъ жителяхъ, ихъ обычаяхъ и правахъ не могу сообщить точныхъ указаній.

Жители собственно долины Зерафшана бо̀льшею частію Тюрки (Узбеки), за исключеніемъ нѣсколькихъ пунктовъ на Нурпаѣ, Катты-Курганскаго и Зіаддинскаго бекствъ, которые населены Арабами. Но арабы эти давно отатарились и забыли совершенно свой собственный языкъ.

Жители тюркскіе раздѣляются на слѣдующіе отдѣлы:

I. Узбеки:

1) Кытай-Кыпчаки.

Они живутъ въ долинѣ средняго Зерафшана между Самаркандомъ и Катырчи, и къ сѣверу до Чилека. Подраздѣляются на слѣдующіе роды:

Кытай.

Сары-Кытай (желтые Кытаи).

Отарчы.

Канджигалы (съ тороками).

Кошъ-тамгалы (съ двойнымъ тавромъ).

Чэмюшлю (съ кувшиномъ).

Тараклы (съ гребнемъ).

Балгалы (съ молоткомъ).

Кыпчакъ.

Тёртъ-тамгалы (съ 4-мя таврами).

Сары-Кыпчакъ (желтые Кыпчаки).

Тогусъ-Бай (девять богачей).

Военные клики (уранъ) Кытаевъ — Улу-тагъ, Кыпчаковъ — Токсаба. На счетъ Кыпчаковъ надо замѣтить что они также составляютъ большую часть населенія Коканскаго хан-

ства. Тамъ они ведутъ кочевую жизнь, но есть тамъ и осѣдлые Кыпчаки въ городахъ. Коканскіе Кыпчаки вообще считаются Узбеками. Остатки этого когда-то могущественнаго племени разсѣяны по всему пространству между тюрками. У Киргизовъ есть значительное племя Кыпчаговъ, и таковое также находится у Алтайскихъ Калмыковъ. Тамъ есть, кромѣ того, на Телецкомъ озерѣ, племя Тогусъ (смотри племя Зерафшанскихъ Кыпчаковъ Тогусъ-бай). Въ Зерафшанской долинѣ Кыпчаки живутъ главнымъ образомъ около Янгы-Кургана, между Самаркандомъ и Катты-Курганомъ, который называется поэтому также «Кыпчакъ-Янгы-Курганъ». Оба отдѣла, Кыпчаки и Кытай, такъ слились, что считаются за одно племя, и на вопросъ о родѣ получаешь всегда отвѣтъ: «Кытай-Кыпчакмын», т. е. я изъ Кытай-Кыпчаковъ.

2) Кыркъ-мынанъ-юсь (Кырки съ Юсями) живутъ на большомъ пространствѣ между Ходжентомъ, Ура-тэпэ, Заминомъ, Джизакомъ, укрѣпленіемъ Янгы-Курганъ и къ югу до города Пенджикента.

Отъ Ходжента до Ура-тэпэ и Замина живетъ племя Юсь, равно и у самаго Пенджикента, между-тѣмъ какъ около Джизака и Янгы-кургана живутъ Кырки. Кырки и Юсы называются и общимъ названіемъ Марка. Рода ихъ слѣдующіе:

Кыркъ (сорокъ)
- Кара-Койлы (съ черными баранами).
- Карача.
- Кара-сиракъ.
- Чапарашлы.

Юсь (сотня).
- Карапча.
- Тыгырыкъ.
- Пэрчэ-юсь.
- Коянъ-кулаклы (съ заячьими ушами).
- Туяклы (съ копытами).

Сиргалы.
Эргэнэкли.
Солаклы.
Ханъ-ходжа-кытайзы.
Хаджи-кытайзы.

Родъ Туяклы образуетъ населеніе города Пенджикента. Племя Юсь (сто) находится также у Черновыхъ Татаръ, живущихъ возлѣ Телецкаго озера. Кромѣ того, нужно замѣтить что Киргизы раздѣлены на три орды, которыя по-киргизски называются Джюсь (сотня). Замѣчательно что эти два такъ тѣсно связанныхъ племени выражаютъ своими именами два числа: Кыркъ = 40, Юсь = 100.

Можетъ быть что изъ Кырк-юсь образовалось и названіе «Кыргызъ». Такая перемѣна звуковъ совершенно соотвѣтствуетъ фонетическимъ законамъ татарскихъ языковъ. Что это положительно такъ, утверждать не хочу: высказываю только предположеніе.

3) Канглы. Маленькое племя, живущее вблизи Джизака.

4) Найманъ. Это племя живетъ къ югу отъ Катты-кургана въ селеніяхъ Улусъ, Сипкэ и т. д. и въ городѣ Джамъ. Боевой кликъ (уранъ) Найманов—Якшы-бай. И племя Найманъ очень распространено у Киргизовъ.

5) Мингъ. Довольно значительное племя, живущее къ юго-западу отъ города Самарканда до Алтабинскихъ горъ. Въ Кара-тэпэ и Ургутѣ, какъ говорятъ, тоже обитаютъ части этого племени. Въ Кокандѣ, говорятъ, племя Мингъ очень распространено, и Коканскій ханъ самъ изъ этого племени.

6) Кэнэгэсъ. Большое племя Кэнэгэсовъ образуетъ главное населеніе Шехрисебса. Это очень распространенное племя, особенно въ Хивинскомъ ханствѣ. Татары Казанскіе называютъ себя Кинесъ, почему должны быть изъ этого же племени.

7) Мангытъ. Племя Мангытъ составляетъ главное

населеніе города Карши и его окрестностей. Эмиръ Бухарскій самъ изъ племени Мангытъ.

8) Меситъ, Ябы, Тама, называемые обыкновенно общимъ именемъ Учь-ру (три рода). Живутъ въ Зіаддинскомъ бекствѣ до города Кошкаузъ.

9) Сарай. Живутъ къ западу отъ Кошкауза до города Ханчарвагы.

10) Буркутъ. Живутъ отъ Кэрминэ до Мэликэ.

11) Аллатъ Живутъ отъ Кара-кэля до Бухары и до Шардже.

12) Бехринъ. Маленькое племя вблизи Пейшамби, къ сѣверу отъ Катты-Кургана.

13) Баташъ. На разныхъ мѣстахъ перемѣшано съ другими племенами.

II. Кара-калпаки.

Кара-калпаковъ въ средней Зеравшанской долинѣ очень немного. Они живутъ къ востоку отъ Самарканда въ срединѣ между Кытай-Кыпчаками и Кыркмынанъ-Юсями, въ разныхъ селеніяхъ около Акъ-тэпэ и въ урочищѣ Бешъ-арыкъ. Говорятъ что не очень давно они переселились сюда съ Аму-дарьи. Теперь они живутъ здѣсь осѣдло. Родами здѣшнихъ Кара-калпаковъ мнѣ называли:

Оймаутъ.

Акъ-койлы.

Кара-сенгиръ.

III. Тюркмены.

Изъ Тюркменовъ, живущихъ въ большомъ числѣ къ востоку отъ рѣки Аму-дарьи, здѣсь находятся только три рода:

Казай-аглы,

Канджыгалы,

Бюгёжюлю,

изъ которыхъ послѣдніе два принадлежатъ къ главному племени Уйсуновъ. Этими Тюркменами населено все Нура-

тынское бекство. Тюркмены живутъ здѣсь осѣдло совершенно какъ жители собственно Зерафшанской долины.

Это главныя племена тюркскаго происхожденія, о которыхъ я слыхалъ кое-что въ средней Зерафшанской долинѣ. Они живутъ не отдѣляясь рѣзко другъ отъ друга, но все-таки одно племя составляетъ всегда главную массу населенія въ извѣстномъ мѣстѣ. Что здѣсь часто происходило смѣшеніе племенъ, это доказываетъ большое число кышлаковъ, получившихъ свое названіе отъ имени рода, къ которому принадлежатъ жители его. Такъ есть деревня Мингъ между Кытай-Кыпчаками, точно такъ деревни Джалаиръ и Конгратъ между другими племенами. О родствѣ разныхъ племенъ разсказываютъ различныя легенды. Такъ, напримѣръ, что Мангытъ и Кэнэгэсъ были два брата. Но я не считаю нужнымъ повторять здѣсь этихъ, часто другъ другу противорѣчащихъ, преданій. Замѣчу только одно—когда Эмиръ Бухарскій, который родомъ изъ Мангытовъ, вступаетъ на престолъ, то его сажаютъ на бѣлую кошму, четыре угла которой поднимаютъ депутаты четырехъ родовъ: Мингъ, Аллатъ, Бехринъ и Баташъ.

Я думаю что будетъ здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ и на счетъ тюркскихъ племенъ живущихъ къ сѣверовостоку отъ Зерафшанской долины, т. е. въ предѣлахъ Ташкента, Чемкента, Ауліе-аты.

Въ этихъ болѣе на сѣверъ лежащихъ странахъ персидскій элементъ очень незначителенъ. Здѣсь говорятъ въ городахъ и деревняхъ, какъ и въ степи, только тюркскими нарѣчіями. Осѣдлое населеніе городовъ Ташкента, Чемкента, Ауліе-аты, Меркэ и Туркестана, какъ и всѣхъ деревень вокругъ ихъ, называется общимъ названіемъ: *Сартъ*; такимъ же именемъ называютъ ихъ Киргизы и Узбеки. Я не могу ясно опредѣлить происхожденія этихъ Сартовъ. Родовыхъ ихъ именъ я не могъ узнать. По наружности они очень похожи на Таджиковъ. Но персидскій языкъ для нихъ—чужое и незнакомое нарѣчіе, если они не изучали его въ Бухарскихъ или

Самаркандскихъ медресе. Они сами рѣзко себя отдѣляютъ отъ Таджиковъ, которые живутъ между ними разбросанно и по одиночкѣ. По объясненіямъ Вамбе́ри можно было бы заключить что Сарты по происхожденіи Таджики. Онъ утверждаетъ это, разсуждая о произхожденіи хивинскихъ Сартовъ: «Сарты, называемые въ Бухарѣ и въ Коканѣ Таджиками, древніе персидскіе жители Харезма». Меня только удивляетъ что Сарты, живущіе здѣсь на сѣверѣ такими густыми массами, именно здѣсь такъ совершенно отатарились, между-тѣмъ какъ Таджики въ отдѣльныхъ деревняхъ сохранили свой персидскій языкъ. Съ другой стороны возможно что имя Сартъ дано имъ извнѣ, точно такъ какъ бухарскіе переселенцы на рѣкѣ Тоболѣ въ настоящее время называютъ себя Сартами, потому что тобольскіе татаре имъ дали такое названіе, а татаре вообще и калмыки алтайскіе приняли подобныя же, имъ самимъ сначала неизвѣстныя названія—отъ Русскихъ. Ташкентскіе Сарты могли получить это названіе отъ Киргизовъ, которые въ самомъ дѣлѣ называютъ всѣхъ осѣдлыхъ магометанъ Средней Азіи такимъ именемъ, несмотря на то Узбеки-ли они, Сарты, Таджики или Кашгарскіе Татаре.

Жители мѣстностей между Ташкентомъ и Ходжентомъ, особенно въ окрестностяхъ мѣстечка Той-тэпэ, называютъ себя *Курама*. Киргизы утверждаютъ что они получили это названіе потому, что суть смѣсь Киргизовъ и Сартовъ. Они прежде, какъ говорятъ, были Киргизы, но теперь смѣшались съ Сартами, и живутъ осѣдло. Правдоподобно, во всякомъ случаѣ, что они составляютъ смѣсь и недавно поселились въ деревняхъ. Они раздѣляются на четыре рода:

Джалаиръ,
Тама,
Джагалбайлы,
Тараклы.

Въ степяхъ вокругъ Ташкента, Чемкента, Ауліе-аты и Туркестана, обитаютъ многочисленныя киргизскія племена,

которыя, какъ и сѣверные ихъ сосѣди, называютъ себя Казаками. Киргизы, живущіе вблизи этихъ городовъ, особенно Ташкента, гораздо бѣднѣе своихъ сѣверныхъ братьевъ и уже отчасти занимаются земледѣліемъ. Эти Киргизы представляютъ пеструю смѣсь самыхъ различныхъ родовъ, будучи потомками всѣхъ трехъ ордъ. Вотъ довольно точныя подробности объ этихъ родахъ:

1) Уйсунъ, большая орда (Улу-джюсь).
Сикымъ (около Ташкента).
Джаныcъ.
Темиръ.
Шымыръ.
Ботпай (около Ауліе-аты).
Курулаcъ, народъ героя Идэгэ-Би, побѣдившаго Тохтамышъ-Хана.

Сиргэли, Исты, Отакшы, Джалаиръ, Шапрашъ — называемые общимъ именемъ Бесъ-тэнбала (пять ровныхъ дѣтей). (на рѣчкѣ Шу).

Шапрашъ (около Туркестана).
Канглы (около Ташкента).

2) Орта-джюсь (средняя орда).
Кыпчакъ (около Ташкента).
Онъ-эки-Конгратъ (12 Конгратовъ).
1) Алты-ата кэктингъ-улу
2) Алты-ата кэктэнгшю
(около Ташкента).
Аргынъ (около Ташкента).
Найманъ (около Ташкента).
Шаншкулъ.

2) Киши-Джюсь (малая орда).
Рамаданъ (около Чиназа).
Алшынъ (около Чиназа).
Джагалбайлы (около Ташкента).

Тама.

Таракты.

Въ Зерафшанской долинѣ, какъ вообще въ Средней Азіи, говорятъ двумя языками, по персидски и по тюркски. На счетъ здѣшнихъ персидскихъ поднарѣчій я долженъ ограничиться замѣчаніемъ что они, кажется, мало различаются отъ языка Персіи.

Что касается до тюркскаго идіома, то онъ раздѣляется на слѣдующія поднарѣчія: 1) киргизское, 2) кара-калпацкое, 3) тюркменское, 4) узбецкое или джагатайское. Первыя три изъ этихъ поднарѣчій очень близки другъ къ другу, между тѣмъ какъ узбецкое довольно рѣзко отъ нихъ отдѣляется. Письменный языкъ имѣетъ только джагатайское поднарѣчіе. Понятно, что у племени разбросаннаго на столь великомъ пространствѣ какъ узбецкое, и языкъ показываетъ разные оттѣнки, но все-таки мы можемъ на него смотрѣть какъ на нѣчто цѣлое. По крайней мѣрѣ всѣ жители городовъ отъ Луліе-аты до Бухары другъ друга понимаютъ безъ всякаго затрудненія. Это и понятно, потому что между всѣми этими городами всегда существовало живѣйшее торговое движеніе, и хожденіе къ святымъ мѣстамъ не мало сближало ихъ между собою.

Что-же касается до чистоты тюркскаго языка, то говорятъ на немъ чище всего въ степяхъ, куда уничтожающая всякую народность магометанская цивилизація еще не могла проникнуть. Киргизы менѣе всѣхъ другихъ принимали въ языкъ свой персидскія и арабскія слова, и когда принимали такія слова, то измѣняли ихъ по фонетическимъ законамъ своего языка и этимъ сдѣлали ихъ собственностію народа. Но и въ ихъ языкъ замѣтно началъ проникать чужой элементъ, какъ явно доказываетъ языкъ Киргизовъ живущихъ вблизи Сартовъ. Къ киргизскому поднарѣчію въ-отношеніи чистоты близко подходитъ языкъ Кара-калпаковъ, къ востоку отъ Самарканда, и Тюркменъ, въ Нуратинскихъ горахъ, несмотря на то,

*

что племена эти, въ соціальномъ отношеніи, уже подчинились Узбекамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уже внесли въ свой языкъ значительное число иноплеменныхъ словъ. Языкъ узбецкихъ земледѣльцевъ въ деревняхъ Зерафшанской долины по отношенію къ чистотѣ уже рѣзко отдѣляется отъ вышеупомянутыхъ поднарѣчій. Арабскія и персидскія слова, и даже грамматическіе обороты этихъ языковъ употребляются тамъ людьми безграмотными. Болѣе всего испорченъ языкъ жителей городовъ, гдѣ благовоспитанность и мода требуютъ украшенія роднаго языка чужими перьями, и это для жителей городовъ тѣмъ легче, что практическое знаніе персидскаго языка, по многочисленности Таджиковъ, здѣсь очень распространено. Въ самихъ же городахъ тѣмъ болѣе замѣтно обезображеніе языка, чѣмъ болѣе сближаешься съ образованнымъ, ученымъ классомъ общества, говорящимъ языкомъ совершенно свойственнымъ ему одному. У этого класса не только явилось безчисленное множество чужихъ словъ, но и обороты фразъ совершенно измѣнены и законы звуковъ тюркскаго языка измѣняются ими, чтобы угождать иноплеменному элементу.

Какъ будто-бы ученость требовала такой неестественности, муллы принуждаютъ читающихъ учениковъ произносить слова иначе нежели требуютъ законы языка, и порицаютъ строго выговоръ народный. Оттого всѣ грамотные люди читаютъ по привычкѣ исковерканнымъ выговоромъ муллъ.

Простой человѣкъ, который только умѣетъ читать и писать, читаетъ и пишетъ всегда тюркскимъ языкомъ, хоть онъ и старается по-возможности подражать въ письмѣ книжному языку. Но если онъ началъ болѣе учиться и занимался нѣкоторое время въ медресе, онъ тотчасъ-же съ презрѣніемъ отвращивается отъ тюркскихъ книгъ, этихъ произведеній невѣжества, отъ пищи простаго народа, и углубляется въ изученіе персидскаго языка. Это не только въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ близость Таджиковъ могла бы дать поводъ къ тому, но и въ тѣхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ Чемкентъ и Ауліе-ата, гдѣ

нѣтъ соприкосновенія съ людьми говорящими по-персидски. Но въ письмѣ эти полуученые употребляютъ только тюркскій языкъ, ибо не владѣютъ довольно персидскимъ. Изъ арабскаго языка они изучаютъ только Коранъ и молитвы, и читаютъ нѣсколько легкихъ сочиненій съ подстрочнымъ переводомъ. Но если ученый дошолъ до арабской грамматики (нехy) и пріобрѣлъ болѣе близкое знакомство съ арабскимъ языкомъ, то онъ пренебрагаетъ уже персидскимъ и занимается только арабскимъ — цѣлью и желаніемъ всякаго грамотнаго. Съ благоговѣніемъ и изумленіемъ смотрятъ маленькіе муллы на этихъ корифеевъ науки, которые понимаютъ священное писаніе, и съ удивленіемъ слушаютъ ихъ рѣчи, когда они употребляютъ арабскія фразы, къ которымъ тутъ-же прибавляютъ необходимыя для слушателя объясненія на тюркскомъ языкѣ. Въ письмѣ эти великіе ученые употребляютъ только персидскій языкъ, не обращая вниманія на то, знаетъ-ли его получатель письма. Бѣдный получатель теперь принужденъ искать себѣ переводчика! Въ собственно Зерафшанской долинѣ, именно близь городовъ, это не представляетъ большаго затрудненія: здѣсь и многіе не очень образованные знаютъ этотъ языкъ.

Официальная переписка, документы и приказы правительственныхъ лицъ всегда пишутся по-персидски, даже въ Коканѣ. Причина этому та, что всякій чиновникъ (даже на дорогѣ) всегда имѣетъ съ собой муллу (мирзу), который понятно пишетъ на ученомъ языкѣ. Я часто имѣлъ случай присутствовать при сочиненіи этихъ официальныхъ документовъ. Чиновникъ сообщаетъ муллѣ содержаніе письма, тотъ сочиняетъ его какъ ему вздумается. По окончаніи его чиновникъ только прикладываетъ къ нему свою печать.

При такихъ обстоятельствахъ легко объяснить, отчего чужіе элементы вкрадываются въ языкъ Узбековъ; но разлагающимъ началомъ на духъ языка дѣйствуетъ именно то, что эти чужіе элементы не подчиняются законамъ тюркскаго языка,

остаются въ немъ въ первоначальной самостоятельности, какъ паразиты.

Вообще никто не станетъ отрицатать что умственныя занятія и ученіе образуютъ умъ и развиваютъ разсудокъ, но въ Средней Азіи видимъ противное. Здравый разсудокъ и проницательность находимъ здѣсь только у простаго народа. Языкъ Киргизовъ плавенъ и краснорѣчивъ, они остроумны и часто колки и находчивы въ вопросахъ и отвѣтахъ, иногда даже удивительно ловки, и всякій, даже самый необразованный, киргизъ владѣетъ своимъ языкомъ въ той силѣ, въ какой мы это въ Европѣ замѣчаемъ только у Французовъ и Русскихъ. Если они расказываютъ, оборотъ рѣчи ихъ свѣжъ и пріятенъ. Это ясно обнаруживается въ образцахъ народной литературы, которые мною собраны и издаются Императорскою Академіей Наукъ.

Очень близко подходятъ къ Киргизамъ въ этомъ отношеніи Кара-калпаки и Тюркмены.

Узбецкій земледѣлецъ внутренней долины Зерафшана въ умственномъ отношеніи гораздо неповоротливѣе чѣмъ простое дитя степи, а образованный классъ въ городахъ выражается тяжело и черезъ-чуръ скученъ въ разговорахъ. Иначе это и не можетъ быть, потому что разговорный ихъ языкъ, отъ внесенія въ него чужаго элемента, потерялъ свой первоначальный типъ. Киргизецъ слышитъ свои сказки, миѳы и пѣсни на своемъ языкѣ, и это на него производитъ сильныя впечатлѣнія и возбуждаетъ въ немъ желаніе подражать имъ. Узбекъ, напротивъ того, слушаетъ каждый простой расказъ на языкѣ котораго онъ большею частію не понимаетъ, который ученый читатель долженъ пояснить своими примѣчаніями, и чѣмъ глубже онъ вникаетъ въ науки, тѣмъ болѣе рѣчь окутывается непонятнымъ для него покровомъ. Узбекъ привыкаетъ угадывать мысль изъ слышанныхъ непонятныхъ и понятныхъ словъ, и повторять пустой ихъ звонъ. Ребенкомъ онъ учитъ молиться по-арабски, потомъ читаетъ цѣлые года коранъ, не

понимая ни малѣйшимъ образомъ прочитаннаго, и т. д. Черезъ это, понятно, упражняется и развивается только одна часть ума — память, между тѣмъ какъ всѣ остальныя умственныя силы слабѣютъ. И правда, память у нихъ необыкновенно развита. Одинъ изъ моихъ спутниковъ зналъ наизусть цѣлые страницы арабскихъ молитвъ и изрѣченій корана, и пѣлъ цѣлые главы изъ «Мугаммедіэ» и пѣсенъ Миръ-Али-Шира, не имѣя ни малѣйшаго понятія о содержаніи ихъ. Высшая степень учености состоитъ въ преодолѣніи трудностей языка (въ совершенномъ изученіи арабскаго и персидскаго языковъ), и число счастливыхъ которымъ это удается, весьма ограничено.

Главныя мѣста учености—медресе, но въ нихъ занимаются только однимъ богословіемъ. Вообще здѣсь считается грѣхомъ посвящать себя поэзіи или изящной литературѣ. Отъ того рѣдко встрѣтишь, даже и у торгующихъ сословій, сочиненія поэтическія или историческія на арабскомъ, персидскомъ или тюркомъ языкахъ. Мнѣ стоило довольно много труда пріобрѣсть нѣкоторыя сочиненія этого рода. Даже у простаго народа едва найдешь что-либо другое кромѣ легендъ о святыхъ или «Хикметы» Ахмеда Ессеви и другія тому подобныя произведенія; народныя пѣсни или сказки только изрѣдка встрѣчаются. Главныя сочиненія Джагайтайской литературы сообщилъ Вамбери въ «Čagataische Studien». При другомъ случаѣ мнѣ вѣроятно представится случай дополнить его свѣдѣнія.

При такихъ обстоятельствахъ не удивительно что въ Средней Азіи, и особенно въ Зерафшанской долинѣ, ученость и фанатизмъ тѣсно связаны между собою. Чѣмъ болѣе кто нибудь предался наукѣ, тѣмъ болѣе онъ магометанинъ-фанатикъ, и высшіе ученые — факелы нетерпимости. Они — вѣчныя причины всѣхъ смутъ въ Средней Азіи, и въ нынѣшнемъ году принудили Эмира къ войнѣ. Они — возмутители жителей Самарканда противъ Русскихъ, и причинили этому городу всѣ тѣ несчастія и бѣдствія которыя онъ перенесъ. Они неизбѣжно принудятъ

всякаго владѣтеля правовѣрныхъ уничтожить договоръ заключенный съ невѣрными; въ ихъ глазахъ всякій миръ заключенный съ невѣрными есть уже преступленіе противъ вѣры. Такъ идутъ дѣла въ Бухарѣ, такъ въ Коканѣ. Что-бы ни говорили о вѣрности хана Коканскаго и о дружбѣ его съ Русскими, все это неосновательно: одна нужда заставляетъ его мириться со своимъ положеніемъ; вѣрность его—мечта; при первомъ удобномъ случаѣ онъ откажется отъ нея, потому что никогда не будетъ въ состояніи противиться ученымъ фанатикамъ.

Эмиръ Бухарскій и его сановники должны быть за-одно съ учеными муллами и даже подчиняться ихъ волѣ; они знаютъ что ихъ собственная власть основывается на сочувствіи послѣднихъ. Оттого они по наружности самые строгіе магометане, и поддерживаютъ ученое сословіе, посредствомъ котораго только и въ состояніи они держать народъ въ своихъ рукахъ и въ повиновеніи.

Бо̀льшая часть образованнаго класса принадлежитъ къ торговому сословію: оно менѣе фанатично чѣмъ ученые и сановники, и по этой причинѣ не такъ враждебно къ Русскимъ, отъ которыхъ получаетъ притомъ большія выгоды. Но и торговцы слишкомъ хорошіе магометане, чтобы при случаѣ не примкнуть къ сторонѣ защитниковъ религіи, хотя и съ другой стороны, покоряясь необходимости, они по крайней мѣрѣ наружно, повинуются вполнѣ новымъ завоевателямъ. Болѣе терпимости обнаруживаетъ та часть торговаго сословія которая уже издавна находилась въ торговыхъ сношеніяхъ съ Россіей, и часто довольно далеко проникала въ ея предѣлы.

Простой народъ вообще апатиченъ и безхарактеренъ. Онъ наружно со строгостью исполняетъ обряды религіи, хотя не любитъ чиновниковъ и ученыхъ, гнетъ которыхъ чувствуетъ надъ собою, а между тѣмъ все-таки легко увлекается поджигательствомъ фанатиковъ.

Киргизы и Кара-калпаки чужды магометанскаго фанатизма. Они, правда, по наружности довольно-строгіе привер-

женцы ислама, даже строже самихъ Узбековъ, но еще не проникнуты пылающимъ жаромъ фанатизма; кромѣ того, они ненавидятъ владѣтельный классъ Сартовъ, Таджиковъ и Узбековъ, особенно ученыхъ муллъ, которые ихъ всегда называютъ невѣрными изъ-за нѣкоторыхъ обрядовъ, оставшихся у нихъ отъ язычества. Отсюда и происходитъ то замѣчательное явленіе, что Киргизы съ самаго начала примкнули къ Русскимъ, и всегда готовы воевать противъ жителей городовъ. Къ этому ихъ частію возбуждаетъ старинная ненависть, а частію и склонность къ грабежу, къ чему всегда представляется удобный случай во время военныхъ дѣйствій. Послѣднее подтверждается и тѣмъ что Киргизы приняли участіе въ борьбѣ Дунгеновъ и Таранчей противъ Китайцевъ въ Илійской долинѣ, послѣ того какъ они увидали на чьей сторонѣ перевѣсъ, и гдѣ болѣе представляется имъ случая къ добычѣ.

Въ такомъ положеніи находится умственное и политическое настроеніе народа занятой Русскими части Средней Азіи. Мы видимъ здѣсь два элемента борющимися между собою: тюркскій — народный, и персидско-арабскій — магометанскій. Послѣдній къ-несчастію ужъ вездѣ почти взялъ верхъ и дѣлаетъ невозможнымъ всякое свободное развитіе народа. При такихъ обстоятельствахъ не можетъ быть рѣчи объ умственныхъ и матеріяльныхъ успѣхахъ. Борьба слишкомъ неровная. Только тогда когда тюркскій народный элементъ получитъ крѣпкую поддержку отъ европейской цивилизаціи, тогда развитіе народа станетъ возможнымъ. Но здѣсь нельзя терять времени, здѣсь надо дѣйствовать поспѣшно. Уже теперь представители магометанства невидимо окружили даже жителей степей религіозною цѣпью, и эта цѣпь ихъ на нѣкоторыхъ пунктахъ ясно обнаруживается и будетъ укрѣпляться безъ сомнѣнія всякій день болѣе-и-болѣе, если не принесется народному элементу поспѣшная помощь Таково положеніе дѣлъ въ Бухарѣ, таково оно и въ Киргизской степи давно принадлежа-

щей къ русскимъ владѣніямъ. Еще нѣсколько лѣтъ замедленія, и будетъ слишкомъ поздно.

Точно такъ какъ въ Европейской Турціи хитрый, ловкій и дѣятельный грекъ рѣзко отличается отъ лѣниваго, равнодушнаго, но честнаго турка, такъ и въ Средней Азіи хитрый, старательный и ловкій персіянинъ — отъ неуклюжаго татарина. Впрочемъ, черезъ смѣшеніе съ персидскимъ элементомъ и тюркское населеніе городовъ во многихъ отношеніяхъ сблизилось въ нравахъ своихъ съ Таджиками. Въ этомъ населеніи, которое, какъ настоящіе Таджики, написало на своемъ знамени слова: «выгода» и «жадность», высшей цѣлію дѣйствій является матеріальное пріобрѣтеніе. Несмотря на презрѣніе которое питаютъ магометане ко всему что относится до этого бреннаго свѣта (фани дунья), золото есть ихъ единственный идолъ. Они не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на связи крови или другія отношенія, когда могутъ пріобрѣсть какую нибудь матеріальную выгоду; поэтому главное занятіе жителей городовъ — торговля, такъ какъ чрезъ нее могутъ они достигать наибольшихъ выгодъ, не прибѣгая къ тѣлесному напряженію, которое жители тюркскихъ городовъ ненавидятъ не менѣе чѣмъ Таджики. Нигдѣ люди не торгуются такъ какъ на базарахъ Средней Азіи, гдѣ продаватель, какъ только представляется возможность, старается обмануть покупателя. Жадность къ деньгамъ этихъ жителей городовъ не знаетъ никакихъ предѣловъ. Мнѣ самому случилось, что богатый человѣкъ, который показалъ мнѣ нѣкоторыя мѣста въ Самаркандѣ, далъ намекъ сопровождавшему меня киргизу, чтобы я сдѣлалъ ему небольшой подарокъ, и когда я, чтобы испытать его, подалъ ему двадцать копѣекъ серебромъ, онъ принялъ ихъ съ большой радостью. Слово «силау» (подарокъ) слышно здѣсь на каждомъ шагу; за самыя ничтожныя услуги, какъ напримѣръ указаніе какой нибудь улицы или тому подобное, требуютъ подарка. Слово «силау» всегда сопровождается самой сладкой улыбкой и

очень понятнымъ движеніемъ руки. Даже купецъ, когда что нибудь у него покупаешь, сверхъ опредѣленной платы проситъ еще «силау».

Послѣ жадности и страсти къ пріобрѣтенію, главная черта горожанъ — скупость. Если они хотятъ что нибудь пріобрѣсть, тогда слова «бренный свѣтъ» никогда не услышишь, но тѣмъ чаще слышишь его, когда они хотятъ скрыть свою скупость. По причинѣ скупости самые богатые живутъ также худо какъ и бѣдные, и питаются тою же самой пищею. Тѣмъ они только и отличаются, что дома ихъ наряднѣе.

Кромѣ жадности и скупости, отличательныя черты ихъ характера — трусость, лютость и лицемѣріе; взгляните только на страшное обхожденіе ихъ съ русскими или киргизскими плѣнными, случайно попавшимися въ ихъ руки; какія должны были они терпѣть страшнѣйшія мученія. Такъ, напримѣръ, вырывали одному киргизу ежедневно по одному зубу, за то что онъ ѣлъ хлѣбъ невѣрныхъ, почему зубы его были уже затѣмъ недостойны разжевывать Божій даръ. Другому вытянули жилы, и переломали руки и ноги. Взгляните на происходившее въ прошломъ году въ Джизакѣ, когда Эмиръ обѣщалъ награду за всякую русскую голову, когда убили ночью часовыхъ и отрѣзали имъ головы, когда вырыли изъ земли покойниковъ, и головы ихъ привезли въ Бухару. Взгляните только на дервиша разсказывающаго вѣрующей толпѣ ложныя сновидѣнія свои, чтобы выручить этимъ деньги, и облекающаго свою ложь набожными словами и молитвами.

Жители деревень Зерафшанской долины производятъ уже болѣе пріятное впечатлѣніе, ибо въ нихъ замѣтна какая-то чистосердечность, которой у жителей городовъ не замѣчаемъ. Жадность у нихъ не такъ ясно выражается, они не такъ дѣятельны и старательны какъ городскіе жители, но флегматичны и лѣнивы, при всемъ этомъ однако тѣлеснаго труда не боятся, какъ этого и требуютъ ихъ занятія. Они очень

не любять Таджиковъ, хитрости и ловкости которыхъ опасаются. При этомъ они боязливы и робки.

Кара-Калпаки, Тюркмены и Киргизы—чистые дѣти природы, которые хотя хитры и лукавы, но все-таки явно показываютъ добродушіе и привязанность. Они лѣнивы, боятся всякой работы, и любятъ чтобъ милостивая природа кормила и снабжала ихъ всѣмъ нужнымъ; воинственности и храбрости я у нихъ не замѣчалъ, напротивъ того — большую трусость. Глазѣя, они толпятся вокругъ новаго пріѣзжаго, и при этомъ часто такъ навязчивы что едва отъ нихъ отдѣлаешься. Безстыдность въ требованіяхъ и попрошайствѣ у нихъ отличительная черта. Что касается до наружности, то тюркій типъ здѣсь ясно отличается отъ персидскаго или отъ смѣси съ послѣднимъ. Киргизы, Кара-калпаки и Тюркмены еще чистые представители тюркскаго элемента: обыкновенно они средняго роста, коренасты, крѣпкаго тѣлосложенія. У нихъ широкое лицо, выдающіяся скулы, толстый носъ, и къ заду вдавленный лобъ. Волосы ихъ черные, но съ легкимъ оттѣнкомъ русаго цвѣта. Брови узкія, борода рѣдкая. Таджики, сѣверные Сарты и часть Убековъ большею частію высоки, стройны и слабаго тѣлосложенія; лица ихъ узкія, съ очень рѣзкими чертами. Носъ у нихъ большой и немного загнутъ, брови густыя и полная черная борода окаймляетъ красивое лицо. Блестящій черный цвѣтъ волосъ и бороды, большіе черные глаза, сверкающіе большею частію дикимъ огнемъ, даютъ имъ выраженіе мужественной красоты, и вся ихъ фигура при первомъ взглядѣ производитъ на васъ впечатленіе силы и рѣшимости. Немало способствуетъ тому и серьезность выраженія, преобладающая большею частію на ихъ лицѣ, но вся наша иллюзія изчезаетъ, какъ только появляется на ихъ лицахъ сладкая, лукавая улыбка, свойственная всѣмъ Таджикамъ при разговорахъ.

Образъ жизни жителей Средней Азіи столь же однообразенъ какъ и устройство ихъ городовъ, какъ и окружающая послѣдніе

природа. Публичная жизнь, какъ и у всѣхъ магометанъ, принадлежитъ только мужчинамъ. Ихъ однихъ видимъ мы тихо и важно расхаживающихъ по улицамъ. Одѣты они въ свои пестрые и длинные халаты, обуты въ сапоги съ длинными и узкими голенищами, въ свѣтло-зеленыхъ галошахъ; головы покрыты фантастично-свернутыми огромными чалмами бѣлаго, зеленаго и краснаго цвѣта. Они одни сидятъ группами на базарѣ или у мечети, гдѣ ведутъ оживленные разговоры. Только изрѣдка прокрадывается между пестрыми группами мужчинъ маленькая стройная личность, закутанная въ длинный синій халатъ, наброшенный на голову. Рукава этого халата, назади концами сшитые, доходятъ почти до подола. Халатъ она прихватываетъ рукой на груди, а къ стоячему воротнику пришитъ кусокъ черной сѣтки изъ конскихъ волосъ, закрывающій совершенно лицо. Это — женщина. Какъ преступница боящаяся свѣта, идетъ она сквозь группы мужчинъ, почтительно давая дорогу всякому изъ нихъ съ ней встрѣтившемуся.

Оставимъ теперь улицу, и войдемъ чрезъ узкія ворота на внутренній дворъ зданія. Возлѣ воротъ мы видимъ подъ глиняной, на деревянныхъ столбахъ покоющейся, крышей рядъ яслей для лошадей. Въ большихъ городахъ и вблизи базаровъ, гдѣ люди живутъ очень тѣсно, эти ясли находятся обыкновенно въ широкихъ коридорахъ, ведущихъ къ маленькимъ дворикамъ. Дворъ построенъ почти всегда квадратомъ, и окруженъ высокими стѣнами или домами. Одну изъ стѣнъ двора образуетъ домъ хозяина: тамъ находится нѣсколько маленькихъ дверей, украшенныхъ грубой рѣзьбой а передъ ними возвышается четыреугольная площадка или терраса изъ крѣпко сбитой глины, вышиною на аршинъ отъ пола. Обыкновенно эта терраса покрыта коврами. Двери ведутъ въ гостиныя хозяина, которыя получаютъ свѣтъ чрезъ эти же двери и чрезъ маленькія находящіяся надъ дверьми окна, состоящія изъ деревянной рѣшетки заклеенной прозрачной бумагой. Стѣны

этихъ комнатъ бо́льшею частію изъ глины, и только у богатыхъ онѣ оштукатурены или даже украшены арабесками. Потолокъ состоитъ изъ длинныхъ деревянныхъ балокъ, расположенныхъ другъ отъ друга на разстояніе поларшина и покрытыхъ поперечными тонкими жердями. На потолокъ наброшенъ толстый слой глины, составляющей плоскую крышу дома. Потолокъ обыкновенно забѣленъ, но у богатыхъ выштукатуренъ и раскрашенъ пестрыми красками и золотомъ. Въ стѣнахъ находятся, въ разстояніи одного аршина отъ полу, ниши, въ которыхъ обыкновенно помѣщается библіотека хозяина (въ числѣ книгъ непремѣнно имѣется Коранъ и Хефтьякъ) и, кромѣ того, чайная посуда. Полъ этихъ комнатъ изъ битой глины и покрытъ тюркменскими коврами; на полу въ разныхъ мѣстахъ лежатъ круглыя подушки, обтянутыя пестрой шелковой матеріей, и для лучшихъ гостей —шелковыя одѣяла на ватѣ.

Въ другой стѣнѣ двора есть большая дверь; чрезъ нее, видимъ, выглядываютъ нѣсколько дѣтскихъ головокъ, любопытно осматривающихъ новаго пришельца. Эта дверь ведетъ ко второму двору, устроенному такъ же какъ первый: на немъ живетъ семейство хозяина.

Бо́льшею частію жилища состоятъ изъ двухъ дворовъ; только у самыхъ бѣдныхъ одинъ дворъ, раздѣленный цыновкою на двѣ половины. Передняя часть и здѣсь принадлежитъ мужчинамъ, а задняя семейству. Задній дворъ хозяинъ (особенно богатый) днемъ рѣдко посѣщаетъ. На заднемъ дворѣ живетъ бѣдная невольница мужчины исполняя свои безцвѣтныя и однообразныя занятія. Она сидитъ тамъ одна, дѣти играютъ вокругъ нее; она шьетъ, прядетъ, готовитъ кушанья, затѣмъ ищетъ себѣ тѣнистаго уголка и ложится спать. Я имѣлъ случай осматривать женскій дворъ сосѣдняго дома, и могъ такимъ образомъ составить себѣ ясное понятіе о жизни женщинъ. Женщины тихо и медленно исполняютъ свои безрадостныя работы: такъ ясно у нихъ прогля-

дываетъ скука, овладѣвающая всею ихъ жизнію. Для женщины нѣтъ удовольствія и развлеченія, ибо только изрѣдка посѣщаетъ ее сосѣдка, съ которой она можетъ кое о чемъ поговорить. Хорошо что жаръ склоняетъ человѣка ко сну: безъ частаго сна она едва-ли бы могла переносить такую жизнь.

Мужской дворъ днемъ по бо́льшей части пустъ, ибо хозяинъ долженъ идти на рынокъ и не смѣетъ пропустить молитвы въ мечети. Но послѣ обѣда часто собираются гости. Тогда дворъ оживляется и подаются чай, фрукты и другія угощенія, и занимательный разговоръ увеселяетъ всѣхъ. Еще болѣе одушевится собраніе, когда въ него войдетъ знакомый мулла съ высокою, акуратно сложенною, бѣлою какъ снѣгъ чалмой на головѣ, важно опираясь на длинный серебромъ украшенный посохъ, и почтитъ собраніе своимъ присутствіемъ. Занявъ свое почетное мѣсто онъ протягиваетъ руку къ одной изъ книгъ лежащихъ въ нишѣ, и читаетъ присутствующимъ какой-то арабскій текстъ.

Слушатели должны быть очень тронуты священными словами, ибо тотчасъ послѣ его ухода домъ наполняется новыми гостями, приводятъ мальчика лѣтъ двѣнадцати, одѣтаго въ женское платье; гости садятся на дворѣ въ полукругъ, и мальчикъ начинаетъ въ серединѣ двора свой танецъ, состоящій изъ отвратительно нераціозныхъ, очень неприличныхъ движеній тѣломъ. На инструментѣ со струнами, похожемъ на балалайку, играютъ музыку къ танцу, и присутствующіе мужчины хлопаютъ тактъ въ ладоши. Похотливые любострастные взгляды бросаются на танцующаго бэчэ, который съ своей стороны отвѣчаетъ этимъ до сумашествія влюбленнымъ старикамъ нѣжно кокетливыми взглядами, и подбрасываетъ предпочитаемымъ изъ нихъ кусочки хлѣба или сахару, на которые они бросаются съ жадностью и проглатываютъ съ неописаннымъ наслажденіемъ. Эти танцы продолжаются до глубокой ночи, почему и оставляю конецъ праздника подъ ся покровомъ.

Послѣдствія этого разврата ужасны; онъ разрываетъ послѣднія узы семейной жизни. Ежегодно тысячи мальчиковъ отъ 8 до 12 лѣтъ систематично пріучаются къ этой блудной жизни и умираютъ нравственною смертью.

Пища жителей Зерафшанской долины чрезвычайно проста и у всѣхъ классовъ общества та же самая. Бѣдные и работники бо̀льшею частію питаются фруктами и хлѣбомъ. Хлѣбъ мѣсятъ изъ пшеничной муки, воды и соли, и не подвергая его броженію, пекутъ въ видѣ тоненкихъ лепешекъ. Свѣжій хлѣбъ довольно вкусенъ. Кромѣ того бываютъ у нихъ маленькія булки, приготовленныя на бараньемъ салѣ, которыхъ уже нельзя назвать вкусными. Фрукты, понятно, различны по временамъ года: вишни, али-бухара (родъ сливъ), яблоки, груши, персики, урюкъ, тутовыя ягоды, дыни и арбузы. Дыни, которыя въ самомъ дѣлѣ великолѣпны, во время поздняго лѣта почти исключительною пищею служатъ бѣднымъ.

Изъ вареныхъ блюдъ общеупотребительное — пилавъ, кушанье по имени персидское; здѣшніе жители называютъ его «ашъ» (пища). Это густой рисъ, вареный съ бараниной, который подается съ морковью. Пилавъ—единственное кушанье для гостей, и ѣлъ я его такъ много, что получилъ къ нему отвращеніе; онъ подается на столъ и бѣднаго и богатаго. Другое кушанье, которое въ большомъ употребленіи, это — лапша, вареная на бульонѣ или на молокѣ. Нерѣдко приготовляютъ баранину жаренную мелкими кусочками. Кушанья изъ молока, даже кислое варенное молоко (айранъ) рѣдко встрѣчаются. На базарахъ продаютъ пельмени варенные въ ситахъ паромъ: они очень жирны, но довольно вкусны.

Чай, у богатыхъ зеленый, въ особенномъ употребленіи. Его подаютъ съ миндалемъ, изюмомъ и сушенными фруктами. Чай очень не вкусенъ, потому что варятъ его въ высокихъ мѣдныхъ чайникахъ (кувшинахъ) на огнѣ. Въ нѣкоторыхъ караванъ-сараяхъ, даже въ деревняхъ, находилъ я русскіе са-

мовары. Но они еще въ рѣдкомъ употребленіи у простаго народа.

Изъ питей упомяну о шербетѣ. Онъ, какъ мнѣ говорили, приготовляется изъ меда. Медъ кладется въ большіе глиняные кувшины которые герметически закупориваютъ и потомъ закапываютъ въ землю. Черезъ это медъ превращается въ густую жидкость, какъ будто сиропъ бураго цвѣта, который, смѣшанный съ водой, даетъ пріятный напитокъ.

Водку изъ изюма я встрѣчалъ только у евреевъ въ Самаркандѣ.

Упомянутыя блюда встрѣтишь у богатаго и бѣднаго, и даже столъ Эмира, сколько мнѣ извѣстно, не отличается другими перемѣнами. Я ѣлъ здѣсь только баранину и изрѣдко говядину. Лошадинаго мяса, любимаго кушанья киргизовъ, тюркменъ и русскихъ татаръ, здѣсь кажется не ѣдятъ. Кушанья подаются бо̀льшею частію на грязныхъ скатертяхъ разосланныхъ на полу; ѣдятъ руками, которыя моютъ передъ обѣдомъ и послѣ него, какъ предписано Кораномъ. Ложекъ и вилокъ я нигдѣ не видалъ.

Управленіе.

Зерафшанская долина принадлежала во всемъ своемъ пространствѣ ниже города Пенджикента къ Бухарскому ханству. Эмиръ, высшій владѣтель этого ханства, проживалъ прежде зиму въ Бухарѣ, а лѣто въ Карши, въ Катты-Курганѣ и въ Самаркандѣ. Лѣтнее жилище Эмира въ Катты-Курганѣ мною выше описано.

Управленіе ханства—военно-клерикальный деспотизмъ. По наружному виду управленіе чисто военное.

Все ханство раздѣлено на бекства, которыя управляются беками, назначаемыми по усмотрѣнію Эмира. Бекства средней Зерафшанской долины, до занятія ея Русскими, были слѣдующія: 1) Джизакъ, 2) Самаркандъ, 3) Пенджи-

кентъ, 4) Чилекъ, 5) Нурата, 6) Пейшемби, 7) Катты-курганъ, 8) Катырчи, 9) Зіаддинъ.

Беки командуютъ ввѣренными имъ войсками, занимающими гарнизоны въ главныхъ городахъ бекствъ; кромѣ того они намѣстники самого Эмира и управляютъ ввѣреннымъ имъ краемъ почти съ неограниченною властію. Главная обязанность ихъ состоитъ въ доставленіи Эмиру ежегодной опредѣленной подати и въ сохраненіи за Эмиромъ верховной власти въ краѣ, т. е. они должны препятствовать всякому возстанію и неповиновенію. Беки нерѣдко считали себя самостоятельными владѣтелями и вели даже между собою самостоятельныя войны; бывали даже случаи что беки возставали противъ власти Эмира. По этой причинѣ Эмиръ своихъ бековъ не оставляетъ слишкомъ долго на своемъ мѣстѣ; онъ очень остороженъ при ихъ выборѣ и назначаетъ ихъ изъ самыхъ приближенныхъ къ себѣ лицъ, а черезъ нѣкоторое время призываетъ ихъ назадъ къ своему двору.

Число воиновъ состоящихъ въ распоряженіи бека — различно и зависитъ отъ величины управляемаго имъ бекства. Бо́льшею частію они состоятъ изъ нѣсколькихъ сотъ наѣздниковъ, получающихъ въ мѣсяцъ двадцать тенегъ (четыре руб.) на содержаніе себя и своей лошади. Офицеры этихъ войскъ — Юзбаши (командующій сотнею), Мирахоръ (шталмейстеръ), въ родѣ личнаго адъютанта при бекѣ, которому иногда довѣряется и командованіе отрядомъ, Пеньджабаши (командующій пятидесятью) и Дибаши (командующій десятью).

Какъ-только предвидится опасность войны, бекъ обязанъ увѣщаніями, силою и платою, по крайней мѣрѣ утроить свое обыкновенное войско, и всѣми своими военными силами по приказанію Эмира соединиться съ главными его силами. Путешественники, въ числѣ ихъ и Вамбери, слишкомъ преувеличиваютъ военныя силы Бухары, состоящія изъ военныхъ силъ бекствъ и собственныхъ охранительныхъ войскъ Эмира. Меня увѣряли что они въ-совокупности не превосходятъ обы-

кновенно 8000 человѣкъ, и въ случаѣ войны могутъ быть увеличены не болѣе какъ до 20,000 человѣкъ. Чтобы придать болѣе значенія своей арміи передъ сраженіемъ, силою принуждаютъ жителей ближайшихъ селеній присоединиться къ войскамъ, такъ что вмѣстѣ съ этими, вовсе невооруженными, жителями и съ людьми являющимися на полѣ дѣйствія изъ любопытства собравшаяся масса доходитъ до 40,000 человѣкъ. Что эта не вооруженная толпа, хотя она и увеличиваетъ по виду армію, во время битвы только вредитъ дѣйствіямъ ея, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Поэтому мы и видимъ что при каждомъ столкновеніи съ Русскими бо́льшая часть непріятельской арміи бросается бѣжать, услышавъ первый выстрѣлъ изъ пушекъ. При завоеваніи городовъ, жители города составляютъ бо́льшую часть защищающихъ городъ силъ, и говорятъ что горожане сражаются гораздо лучше войскъ Эмира. Такъ мнѣ разсказывалъ очевидецъ.

Главнокомандующій арміей — Аскеръ-башъ, состоитъ обыкновенно при дворѣ Эмира. Въ нынѣшнемъ году былъ командующимъ войсками Османъ-бекъ, ренегатъ, казакъ убѣжавшій много лѣтъ тому назадъ съ Сибирской линіи. Говорятъ что кромѣ его еще много дезертеровъ изъ русскихъ владѣній, частію изъ магометанъ, занимаютъ значительныя мѣста въ Бухарской арміи. Часть собственной арміи Эмира составляютъ навербованные Афганцы, изъ которыхъ въ нынѣшнемъ году отъ 200 до 300 человѣкъ, подъ предводительствомъ Искендеръ-хана, перешли къ Русскимъ. Эти Авганцы, какъ я самъ видѣлъ, сбродъ всякой сволочи, которые только ради добычи несутъ военную службу. Говорятъ что они въ нынѣшнемъ году безъ всякаго зазрѣнія совѣсти храбро сражались противъ своихъ единовѣрцевъ и своего прежняго владѣтеля.

Армія Бухарская бо́льшею частію состоитъ изъ наѣздниковъ, которые набираются изъ войскъ бекствъ и вновь навербованныхъ солдатъ. Вооружены они очень неодинаково и

*

бросаются на непріятеля безъ всякаго порядка. Гораздо меньше числомъ пѣхота Эмира. Она лучше вооружена и носитъ, какъ увѣряютъ, частію опредѣленную форму. Пѣхота уже упражняется въ военной эксерциціи; инструкторы ея—русскіе дезертеры и Афганцы, служившіе въ Индіи сипаями.

Артиллерія прежде была только крѣпостная, но въ послѣднихъ годахъ артиллерія уже дѣйствовала при сраженіи у Зиръ-булака. Бухарцы успѣли даже довольно ловко спасти свои пушки. Эмиръ, какъ кажется, имѣетъ въ своемъ распоряженіи отъ 40 до 50 пушекъ. Стрѣльба артиллеріи довольно неловка, такъ что выстрѣлы не причиняютъ большаго вреда непріятелю. Пушки очень не хороши, дулы худо отлиты и ядра некруглыя. Такъ-называемыя горныя пушки — просто игрушки и негодны ни для какого употребленія. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ русскій офицеръ былъ захваченъ киргизами и привезенъ въ Бухару, Эмиръ требовалъ отъ него чтобы онъ обучалъ артиллерію. Послѣ долгихъ отказовъ онъ наконецъ согласился и пошелъ къ мѣсту ученія; но когда увидѣлъ ея пріемы, то едва могъ удержаться отъ смѣха. Тогда командующій артиллеріей сообщилъ ему что ему слѣдуетъ не порицать а только хвалить, въ противномъ же случаѣ онъ можетъ поплатиться жизнью. Это ему было сказано чистымъ русскимъ языкомъ. Онъ послѣдовалъ этому совѣту и объяснилъ Эмиру, что все идетъ превосходно; Эмиръ наградилъ его подаркомъ и болѣе его не безпокоилъ.

Какіе успѣхи сдѣлало военное искусство Бухарцевъ, и какъ они понимаютъ побѣды Русскихъ, доказываетъ посланный въ Ташкентъ Муса-бай. Онъ вездѣ искалъ книги, изъ которой можно научиться побѣждать непріятеля. Онъ, какъ мнѣ разсказывали, ясно выразился, что произношеніемъ дуа (молитвы) Русскіе побѣждаютъ другихъ.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію управленія краемъ, скажу нѣсколько словъ о высшихъ бухарскихъ сановникахъ,

съ которыми я познакомился во время своего путешествія. Это были три посланника, отправленные Эмиромъ въ главную русскую квартиру въ Самаркандѣ для передачи подписаннаго мирнаго трактата, и три бека, которыхъ я видѣлъ во время случайнаго моего пребыванія при опредѣленіи границъ.

Посольство Эмира состояло изъ трехъ лицъ: Муса-бай, мирахоръ, т. е. шталмейстеръ Эмира, высокое духовное лице Ишанъ и одинъ финансовый чиновникъ. Муса-бай, ловкій старикъ и хитрый льстецъ, давалъ безпрестанно въ сладкихъ словахъ всевозможныя обѣщанія. Мы съ нимъ тотчасъ познакомились, такъ что онъ уже на второй день подарилъ мнѣ историческое сочиненіе на персидскомъ языкѣ, прося при этомъ дозволенія оставить эту книгу на нѣсколько дней у себя; я ему подарилъ хорошій коранъ; но впослѣдствіи онъ уѣхалъ и не отдалъ мнѣ подаренной мнѣ книги. Говорилъ онъ много, но мало дѣльнаго. Второй посланникъ, Ишанъ (туркменскаго происхожденія), произвелъ на меня болѣе выгодное впечатлѣніе. Онъ былъ серьозенъ и довольно откровененъ; личность его выражала что-то достойное; много онъ мнѣ сообщилъ интереснаго о Туркменахъ. Но главнымъ предметомъ нашего разговора былъ Исламъ. Онъ старался меня убѣдить въ преимуществѣ этой религіи и непремѣнно желалъ чтобъ я принялъ эту вѣру. Споръ нашъ велся очень горячо и я долженъ признать за нимъ много ловкости. Отъ третьяго посланника я не слыхалъ никогда ни слова, онъ разыгрывалъ какую-то безмолвную личность. Посланники эти были одѣты въ хорошіе шелковые халаты, ничѣмъ неотличающіеся отъ платьевъ остальныхъ Татаръ. Чапраки ихъ сѣделъ были вышиты золотомъ; оба свѣтскіе посланники носили сабли, а духовное лицо— принадлежащій къ его званію посохъ; когда онъ садился на лошадь, онъ передавалъ этотъ посохъ слугѣ, который его носилъ за нимъ.

Три бека, съ которыми я познакомился во время опредѣленія границы, были Рахметъ-би, бекъ Зіаддинскій, Багадуръ-би, бекъ Катырчинскій, и Абдулъ-гафаръ, бекъ Нуратинскій. Рахметъ-би, тотъ самый бекъ, о которомъ упоминаетъ Вамбери какъ о правителѣ Бухары во время отсутствія Эмира, былъ по происхожденію таджикъ. Онъ пріѣхалъ къ намъ въ Катты-курганъ, чтобы оттуда итти въ Самаркандъ для поправленія Зерафшанской плотины. Здѣсь онъ получилъ приказаніе Эмира присутствовать при опредѣленіи границы. Онъ одѣвался просто, но изящно, и въ скоромъ времени усвоилъ себѣ формы обхожденія съ Европейцами. Своихъ выгодъ онъ добивался любезностью въ обращеніи. Я скоро съ нимъ познакомился; отвѣты на всѣ вопросы мои о Бухарѣ онъ хитро умѣлъ отклонить. Онъ оказался весьма ловкимъ дѣловымъ человѣкомъ и совершенно хорошо понималъ безвыходное положеніе Бухары. Занятія во время его присутствія кончились довольно скоро. Жители встрѣчали его съ почтеніемъ, что̀ ему нисколько не мѣшало везти съ собой двухъ бэчэ. Говорили что онъ въ большомъ почетѣ и въ милости у Эмира.

Противоположностью этому хитрому Рахметъ-бію былъ Катырчинскій бекъ Багадуръ-би. Онъ былъ молчаливъ, скрытенъ, неуклюжъ и самыхъ ограниченныхъ способностей. Окружающая его толпа выказывалась въ-отношеніи къ нему наглою и грубою, и нѣсколько разъ, когда онъ говорилъ со мною или съ переводчикомъ, я слышалъ что одинъ изъ его свиты ему замѣчалъ: «что̀ ты такъ много говоришь, это нейдетъ къ твоему положенію». Когда мы пріѣхали въ Катырчи, русскій пограничный коммисаръ пригласилъ его прибыть въ нашъ лагерь; онъ отказался отъ этого приглашенія, опираясь на то, что не получилъ никакихъ инструкцій отъ Эмира, но объявилъ что, передастъ одному изъ своихъ родственниковъ свою печать и съ нимъ вмѣстѣ пришлетъ нѣсколькихъ аксакаловъ, которые могли бы опредѣлить границу. Это было, понятно, отвергнуто нашимъ коммиссаромъ

и повторено требованіе о личномъ его присутствіи. Тогда онъ согласился и назначилъ деревню Тасмачи какъ мѣсто встрѣчи, пріѣхать-же въ Кимидузъ, гдѣ мы находились, онъ отказывался, выставляя что онъ не можетъ оставить своего бекства, и прислалъ подарки, которые при такихъ обстоятельствахъ конечно не были приняты. Въ деревнѣ Тасмачи мы встрѣтились наконецъ. Онъ принялъ насъ на галлереѣ большаго дома, окруженный свитою во сто человѣкъ, сидѣвшихъ вокругъ него. Подлѣ него сидѣлъ ясаулъ-баши и нѣсколько муллъ. Онъ говорилъ мало; за него говорилъ бо́льшею частію ясаулъ-баши (ясаулъ-башъ) и одинъ изъ муллъ, которые прежде всего намъ объявили что Багадуръ-би совсѣмъ другой человѣкъ чѣмъ Рахметъ-би, что онъ узбекъ изъ княжескаго рода, родственникъ самого Эмира, между тѣмъ какъ Рахметъ-би только таджикъ и выскочка. На слѣдующій день началось опредѣленіе границы, но мы не мало удивились, когда на другое утро увидали себя окруженными толпою отъ 800 до 1000 наѣздниковъ, составлявшихъ свиту бека; изъ нихъ болѣе 200 были вооружены ружьями. Бекъ былъ окруженъ 10-ю ясаулами, вооруженными бѣлыми палками. Онъ повидимому избѣгалъ ѣхать съ нами. У всякой деревни онъ останавливался и два раза отзывался болѣзнію, чтобы удалиться. Позже мы узнали что онъ дрожалъ отъ трусости когда долженъ былъ ѣхать съ нами, и что онъ собралъ свой отрядъ въ самомъ непродолжительномъ времени изъ ближайшихъ деревень, чтобы защищаться въ случаѣ нападенія. Когда, по окончаніи работъ, я ему подалъ протоколъ и просилъ его подписать, онъ взялъ его и не взглянувъ на него, закрѣпилъ печатью и возвратилъ мнѣ назадъ. Только когда я его попросилъ по крайней мѣрѣ прочесть протоколъ, тогда онъ передалъ его муллѣ, который и прочелъ его вслухъ.

Третій бекъ, Абдулъ-гафаръ, сначала вмѣсто себя хотѣлъ послать сына своего, но потомъ пріѣхалъ самъ въ деревню Акчапъ. Онъ произвелъ на меня наилучшее впечатлѣніе;

онъ не былъ такъ ласковъ какъ Рахметъ-би, но и не такъ грубъ какъ Багадуръ-би. Онъ держалъ себя чинно, обнаруживалъ хорошее знаніе края и обстоятельствъ; кромѣ того въ немъ проявлялось и немало энергіи. Онъ не имѣлъ свиты и ни одинъ ясаулъ не носилъ передъ нимъ палки. Населеніе встрѣчало его, на сколько я могъ замѣтить, съ большою почтительностію и уваженіемъ.

Много требуется ловкости чтобы вести переговоры съ посланниками Средней Азіи. Они большіе мастера на плутни и увертки, и особенно стараются унизить въ глазахъ окружающаго ихъ народа значеніе противника. Такъ, напримѣръ, дѣйствовалъ Рахметъ-би, когда ему посланъ былъ на встрѣчу молодой офицеръ изъ Катты-кургана. Когда тотъ приблизился, бекъ показалъ видъ будто хочетъ слѣзть съ лошади, но держался на одномъ стремени; офицеръ, замѣтивъ это, дѣйствительно слѣзъ съ лошади, но Рахметъ-Би живо опять сѣлъ на лошадь и уже съ лошади подалъ руку стоявшему передъ нимъ офицеру. Затѣмъ онъ продолжалъ путь, необращая вниманія на озадаченнаго офицера.

Теперь мы обратимся къ внутреннему управленію края.

Назначенный Эмиромъ бекъ—въ тоже время, какъ я уже выше сказалъ, намѣстникъ Эмира во всѣхъ отрасляхъ управленія. Жалованья, ни бекъ, ни подчиненные его не получаютъ. Онъ себя и своихъ подчиненныхъ, даже своихъ солдатъ, долженъ содержать на мѣстныя средства, и имѣетъ на это извѣстныя пошлины въ своемъ распоряженіи. Ближайшіе помощники бека — его родственники, которыхъ онъ посылаетъ съ уполномочіемъ отъ себя въ разные пункты своей области. Родственниковъ онъ опредѣляетъ потому, что думаетъ что они, связанные съ нимъ общими интересами, его не обманутъ. Его родственники уважаются и принимаются народомъ какъ и самъ бекъ. Кромѣ того онъ окружаетъ себя ясаулами, число и выборъ которыхъ совершенно зависитъ отъ него. Старшій изъ ясауловъ называется ясаулъ-баши. Эти ясаулы

бо́льшею частію окружаютъ бека, они его лазутчики и, кромѣ того, получаютъ незначительныя порученія въ разные пункты области.

Всякое бекство раздѣлено на маленькіе округа, во главѣ которыхъ стоятъ аксакалы. Главнымъ изъ нихъ считается тотъ аксакалъ который управляетъ городомъ гдѣ живетъ бекъ. Онъ носитъ титулъ амин'а. На аксакалахъ лежитъ обязанность исполнять въ своемъ округѣ приказанія бека, но ихъ главное назначеніе — собираніе податей. Во всякомъ селеніи—опять аксакалъ, въ родѣ нашихъ старшинъ. Таковые же аксакалы назначаются на всѣ базары и на водопроводы. Всѣ эти чиновники должны содержать себя мѣстными средствами. Опредѣленнаго порядка службы и управленія здѣсь не существуетъ: всякій чиновникъ долженъ дѣйствовать по обычаямъ и по своему усмотрѣнію, чтобы исполнить приказанія бека.

Кромѣ этого свѣтскаго управленія есть еще духовное управленіе. Въ немъ, кажется, еще болѣе неопредѣленности чѣмъ въ свѣтскомъ. Духовное управленіе состоитъ изъ касты ученыхъ, окружающихъ бека, которые, вмѣстѣ съ остальными учеными и духовными лицами, подъ видомъ слабой связи между собою крѣпко охватываютъ всю область. Единственные чиновники этой касты состоящіе на разныхъ мѣстахъ—казы или судьи. Кто ихъ назначаетъ, я не могъ узнать: кажется, что муллы вмѣстѣ съ бекомъ ихъ опредѣляютъ.

Казы разбираетъ частные споры и судитъ дѣла противъ нарушенія общественнаго порядка и преступленія. Законъ по которому онъ долженъ судить—это шеригатъ, основанный на коранѣ; этотъ законъ, понятно, во многихъ отношеніяхъ негоденъ для обстоятельствъ и положеній здѣшняго края, но къ-сожалѣнію магометанскіе юристы или, лучше сказать, богословы Средней Азіи не стараются разработать его далѣе, сообразно съ потребностями народныхъ нуждъ. Такимъ образомъ судьямъ при рѣшеніи дѣлъ открыто весьма широкое поле

для ихъ произвола, особенно потому, что законъ этотъ писанъ на арабскомъ языкѣ, и самый судья переводчикъ и толкователь этого закона. При рѣшеніяхъ своихъ онъ оттого смотритъ болѣе на умственныя способности спорящихъ или на вліяніе ихъ въ обществѣ, чѣмъ на слово закона; какъ рѣшаются дѣла по уголовнымъ преступленіямъ я не могу съ точностію опредѣлить; кажется, казы приглашаетъ для этого аксакала и нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ. Точно также я не знаю докуда распространяется законная власть судьи. Кажется, что въ важныхъ дѣлахъ казы долженъ испрашивать согласія бека, но бекъ долженъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи по рѣшенію окружающихъ его муллъ. Бекъ самъ имѣетъ власть приговорить къ смертной казни, но я слышалъ что и чиновники маленькихъ округовъ приговаривали къ смертной казни и приговоры эти приводили въ исполненіе безъ разрѣшенія бека. Въ случаѣ возстаній, бекъ дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію и вѣшаетъ виновныхъ сколько ему хочется. Говорятъ что прежде бывали здѣсь въ этомъ отношеніи ужасныя сцены, потому что важность и значеніе бека часто зависѣло отъ числа повѣшенныхъ.

Жители Зерафшанской долины такъ привыкли къ вѣшанію, что это на нихъ не производитъ ни малѣйшаго впѣчатленія: они называютъ публичныя казни, какъ и остальныя общественныя зрѣлища, «тамашà».

Каста духовныхъ и ученыхъ лицъ строго наблюдаетъ за правовѣріемъ жителей, и отступленіе отъ правовѣрія подлежитъ суду однихъ только духовныхъ лицъ. Въ такихъ случаяхъ бекъ не имѣетъ никакой власти и долженъ предоставить жертву фанатикамъ, въ расположеніи которыхъ онъ самъ такъ сильно нуждается.

Но иногда Эмиръ и беки оказываютъ сопротивленіе духовнымъ лицамъ и даже открыто на нихъ нападаютъ; такъ, напримѣръ, два года тому назадъ Эмиръ Музафаръ-эддинъ (какъ говорятъ) повѣсилъ въ Самаркандѣ нѣсколько

десятковъ муллъ, за то что они возбудили противъ него народъ.

Въ настоящее время, по крайней мѣрѣ когда я былъ въ Зерафшанской долинѣ, шли страшныя смуты по всему ханству. Эмиръ заключилъ миръ съ Русскими противъ воли духовенства. Послѣ того ученые привлекли на свою сторону и возбудили Эмира противъ его сына, къ которому присоединились киргизскій султанъ Садыкъ и беки державшіе сторону духовенства. Къ нимъ присталъ еще бекъ Шехрисебскій, давнишній врагъ Эмира, и началъ наступательныя военныя дѣйствія противъ него. Эмиръ былъ не въ силѣ устоять противъ бунтовщиковъ. Но, какъ доказываютъ послѣднія извѣстія, Русскія власти поддержали значеніе Эмира: движеніемъ къ лѣвому флангу они принудили Шехрисебскаго бека отдѣлиться отъ своихъ союзниковъ, потомъ двинулись на Карши, выгнали оттуда мятежниковъ, и возвратили этотъ городъ Эмиру. Какъ долго Эмиръ будетъ въ состояніи сопротивляться вліянію и происканъ ученыхъ, яснѣе покажетъ будущее. Судьба его не завиднѣе судьбы Коканскаго Хана, который находится въ величайшей опасности. Но Худаяръ-ханъ—другой человѣкъ чѣмъ Музафаръ-эддинъ; онъ знаетъ Русскихъ, жилъ долго между ними, и имѣетъ ясное понятіе о ихъ силѣ. Я этимъ не хочу сказать чтобы Русскимъ угрожали въ Средней Азіи какія нибудь опасности; объ этомъ думать нечего; но мысли о дружественныхъ отношеніяхъ съ сосѣдними непокорными ханствами Средней Азіи—мечта. Русскіе всегда должны смотрѣть на этихъ хановъ какъ на своихъ враговъ и всегда быть на-готовѣ противиться ихъ замысламъ. Такія отношенія невыносимы для образованнаго государства, которому непривычно стоять часовымъ на границахъ своихъ владѣній.

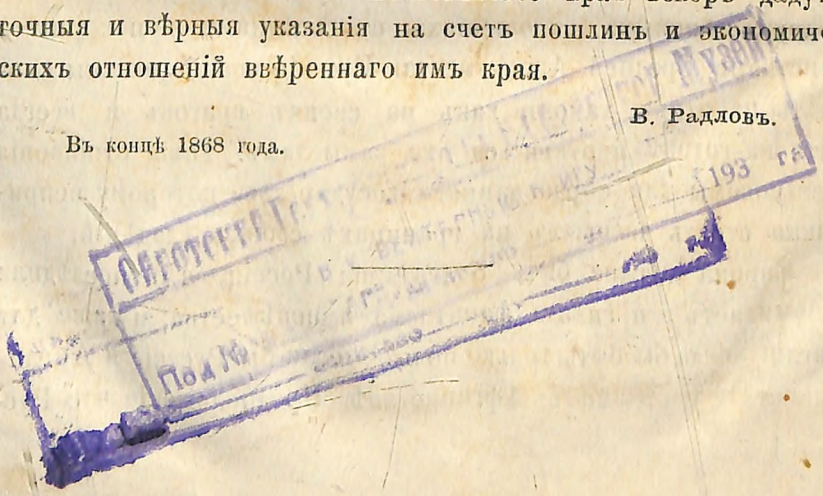
Европа должна быть благодарна Россіи, что послѣдняя удерживаетъ эти гнѣзда фанатизма и невѣжества; и даже для Англіи могла бы быть только польза, если бы Русскіе и Англичане стали сосѣдями въ Афганистанѣ. Предположеніе что Рус-

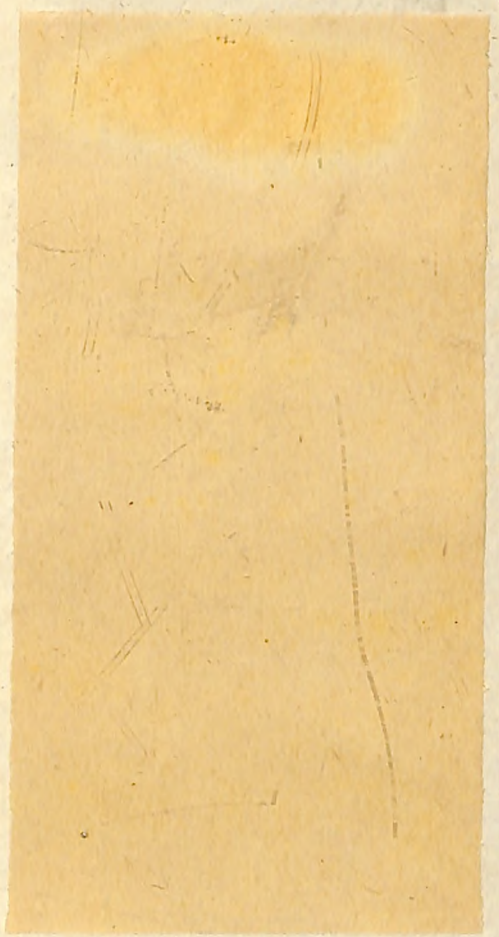
скіе могутъ возбудить магометанскихъ подданныхъ противъ Англичанъ — такъ-же немыслимо, какъ и то что человѣкъ живущій съ своимъ врагомъ въ одномъ деревянномъ домѣ рѣшился бы поджечь домъ своего недруга.

Наконецъ, скажу еще нѣсколько словъ на счетъ податей, собираемыхъ бухарскимъ правительствомъ въ Зерафшанской долинѣ. Подати были троякаго рода: *хараджъ*, *танапъ* и *зекетъ*. *Хараджъ* — пошлина съ хлѣбныхъ растѣній, которую земледѣлецъ долженъ отдать въ натурѣ съ получаемаго отъ своихъ полей урожая. Указанія на счетъ этой подати мнѣ сдѣланы различныя: отъ $^1/_8$ до $^1/_5$ части урожая. *Танапъ* есть пошлина съ садоводовъ. Она собирается съ фруктовъ, овощей, хлопка и искусственныхъ луговъ, пропорціонально площади занимаемой плантаціей. Танапъ оплачивается деньгами. Съ тутовыхъ деревьевъ собиралась особая дань. *Зекетъ*, наконецъ, есть подать сбираемая съ товаровъ, привезенныхъ на базаръ, съ каравановъ, со скота, съ ремесленниковъ и съ харчевень. Объ этихъ податяхъ дать болѣе опредѣленныя указанія я не въ состояніи, потому что разсказы жителей, изъ очень понятныхъ причинъ, были самые разнообразные и противорѣчили другъ другу. Пошлины эти очень тяжелы, несправедливы и неправильно распредѣлены, потому что они налегаютъ на одну рабочую силу, а не на имѣніе. Можно надѣяться что чиновники новозанятаго края вскорѣ дадутъ точныя и вѣрныя указанія на счетъ пошлинъ и экономическихъ отношеній ввѣреннаго имъ края.

В. Радловъ.

Въ концѣ 1868 года.





НМРА КП Оф 8218/20
РК 1216
АС 11177
ГК 19692854

